

ПОГАМЕНО
И. С. Т.

2-й экз.

Государств. Публичная
Историческая
Библиотека

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЬ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,
основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1914.

селенцевъ. Переездъ въ Сибирь и водвореніе тамъ на на-дѣлахъ вызвали расходъ, повлекшій сокращеніе капитала переселенцевъ на 78 руб. съ cadaго двора. Потеря эта, однако, восполнена доходами отъ сибирскаго хозяйства. Капиталъ переселенцевъ, образуемый стоимостью построекъ и живого и мертваго инвентаря, въ Сибири почти удвоился, по сравненію съ имѣвшимся на родинѣ. Всѣ эти благоприятные результаты, отразившія весьма благотворно на приростъ населенія, получились въ періодъ еще далеко не законченнаго развитія переселенческаго хозяйства, и потому могутъ быть разсматриваемы какъ неполные. Въ будущемъ при достигнутомъ уже увеличеніи капитала и широкомъ земельномъ обеспеченіи предстоитъ дальнѣйшій прогрессъ, могущій поставить хозяйство и общее матеріальное благосостояніе переселенцевъ на еще болѣе высокіи уровни.

В. Кузнецовъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Пятидесятилѣтіе судебной реформы.—Неумѣстная партійность.—Опасныя „разслѣдованія“.—Замѣчательное письмо.—Милитаризмъ и культура.

Въ текущемъ мѣсяцѣ исполняется пятидесятилѣтіе со времени изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II-го. Въ другую минуту этотъ юбилей привлекъ бы къ себѣ всеобщее вниманіе; при громѣ войны онъ можетъ пройти едва замѣченнымъ. Живи мы теперь при такихъ же условіяхъ, какъ въ недавніе дни чествованія пятидесятилѣтія земскихъ учрежденій, юбилейное настроеніе, среди прогрессивныхъ круговъ русскаго общества, оказалось бы скорѣе угнетеннымъ, чѣмъ приподнятымъ. Теперь настоящее оставляетъ мало мѣста для оглядокъ на прошлое,—а въ будущее, какъ бы оно ни было омрачено страданіями, неразрывно связанными съ войною, открываются просвѣты, о которыхъ еще недавно нельзя было и мечтать. И такъ какъ въ критическій моментъ все сводится къ одному центру, къ одной, всюду проникающей и все окрашивающей идеѣ, судебныя уставы

видятся намъ сквозь призму войны, съ которою совпала ихъ годовщина.

Въ циклѣ преобразованій первой половины шестидесятыхъ годовъ реформы судебная и земская были неразрывно связаны съ крестьянскою, какъ ея необходимсе продолженіе и дополненіе. Только засѣдая, рядомъ съ своимъ бывшимъ помѣщикомъ, въ земскомъ собраніи или на скамьѣ присяжныхъ, освобожденный крестьянинъ могъ чувствовать себя хоть иногда, хоть на минуту, гражданиномъ государства, давшего ему свободу. Много ему приходилось переживать впечатлѣній прямо противоположныхъ — и чѣмъ дальше, тѣмъ, къ несчастію, ихъ было больше, тѣмъ интенсивнѣе становилась ихъ горечь; но въ сознаніе все же проникали слабые лучи новаго свѣта. Изолированная не только отъ общихъ, но и отъ мировыхъ судебныхъ установленій, волостная юстиція стояла стѣною между судомъ, заслуживающимъ этого имени, и широкой народной массою. И все-таки до этой массы доходила вѣсть, что гласные-крестьяне участвуютъ, вмѣстѣ съ «господами», въ выборѣ мировыхъ судей. Въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда крестьянинъ становился тяжущимся, подсудимымъ или свидѣтелемъ въ мировомъ судѣ, для него благою вѣстью звучало обращеніе на *вы*, сглаживавшее разницу между «баринномъ» и «мужикомъ». Въ семидесятыхъ годахъ явилась еще одна точка соприкосновенія между ними: всеобщая воинская повинность ввела привилегированную молодежь въ составъ нижнихъ чиновъ, и если здѣсь и осталось обращеніе на *ты*, то оно потеряло свой прежній характеръ, потому что было одинаково для всѣхъ. Громаднымъ шагомъ назадъ, съ этой точки зрѣнія, какъ и со всѣхъ другихъ, было введеніе института земскихъ начальниковъ; но крестьянство было тогда уже не такимъ, какъ четвертью вѣка раньше. Уже во время турецкой войны семидесятыхъ годовъ нашъ солдатъ не во всемъ былъ похожъ на своего предшественника севастопольской эпохи; сохранивъ его достоинства, онъ присоединилъ къ нимъ другія, тогда бывшія еще въ зачаткѣ, но много обѣщавшія въ будущемъ. Недостаточно развившіяся ко времени японской кампаніи, особыя условия которой не могли, притомъ, не отразиться на духѣ армии, эти свойства достигли расцвѣта теперь, когда для всѣхъ понятна причина и всѣмъ сочувственна цѣль войны. Безъ преувеличенія, безъ натяжки можно сказать, что въ созданіи современнаго нашего войска не меньшую роль, чѣмъ военная техника и военная подготовка, сыграли «великія реформы», преобразившія Россію и сдѣлавшія возможнымъ обновленіе ея государственнаго строя. Крестьянинъ-присяжный, какъ и крестьянинъ-земскій гласный — прямой предшественникъ крестьянина-избирателя Государственной Думы. Какія бы тяжелыя минуты ни пришлось еще переживать

России, 20-го ноября ей можно будет вспомнить съ благодарностью о томъ, чѣмъ ознаменованъ былъ этотъ день полвѣка тому назадъ.

Еще недавно предрѣшеннымъ, близкимъ казалось уничтоженіе той черты, которую провели судебные уставы между судами общими для всѣхъ сословій и судами специально крестьянскими. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ, эта черта могла считаться необходимой. За предоставленіе всей массы мелкихъ крестьянскихъ дѣлъ крестьянскому же суду, не стѣсненному ни процессуальными формальностями, ни писаннымъ матеріальнымъ правомъ, говорило и самое множество этихъ дѣлъ, и ихъ малоцѣнность, смѣшиваемая съ маловажностью, и недостатокъ интеллигентныхъ силъ, и опасеніе крѣпостныхъ воздѣйствій и вліяній. Съ каждымъ годомъ важныя изъ числа этихъ соображеній слабѣли или отпадали, но въ официальныхъ сферахъ все больше и больше торжествовалъ принципъ крестьянской замкнутости, обособленности, изъ котораго логически вытекало сохраненіе особаго крестьянскаго суда. Достигнувъ своего кульминаціоннаго пункта въ началѣ XX-го вѣка, когда совѣщаніе, руководимое В. К. Плеве, трудилось надъ сооруженіемъ вокругъ крестьянства (слегка разбавленнаго другими непривилегированными сельскими обывателями) несокрушимой китайской стѣны, этотъ принципъ былъ поколебленъ указомъ 12-го декабря 1904-го года. Законопроектъ о мѣстномъ судѣ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, обѣщаль крестьянству дѣйствительное равенство передъ судомъ. Обѣщаніе это не исполнено: противодѣйствіе большинства верхней палаты, уступчивость министерства и большинства третьей Думы продолжили на неопредѣленное время давно ставшее анахронизмомъ существованіе сословнаго крестьянскаго суда. Неисправленнымъ, такимъ образомъ, остается существенно важный недостатокъ судебныхъ уставовъ, когда-то, быть можетъ, неизбежный, но теперь потерявшій всякое оправданіе. Народная масса, выносящая на себѣ главную тяжесть войны, перерасла судебныя учрежденія низшаго типа. Чтобы придвинуть къ ней судъ, чтобы сдѣлать его легко для нея доступнымъ, нѣтъ надобности сохранять за нимъ сословный характеръ. Въ судѣ, общемъ для всѣхъ, вполне возможно и примѣненіе обычая, на сколько уцѣлѣвшія его нормы соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ современнаго народнаго быта.

Отъ вопроса о судѣ по мелкимъ дѣламъ мысль невольно переходитъ къ вопросу о мелкой земской единицѣ. Относясь, повидимому къ совершенно различнымъ сферамъ народной жизни, они на самомъ дѣлѣ соединены между собою глубокою внутреннею связью. Недаромъ они были одновременно поставлены на очередь указомъ 12-го декабря, недаромъ разрѣшенію ихъ были противопоставлены, съ

одной и той же стороны, однородныя препятствія. Съ точки зрѣнія неширокихъ, но вліятельныхъ круговъ нашего общества крестьянство все еще представляется безформенной массой, объектомъ управления и опеки, предметомъ недовѣрія и подозрѣній. Нельзя,—такъ учить традиція,—соединиться съ нимъ, какъ съ равнымъ, въ одномъ общемъ дѣлѣ; нельзя подчиняться суду, годному только для него, нельзя работать съ нимъ на мѣстахъ, опредѣляя съобща, на что, какъ и кѣмъ должны быть расходуемы для всѣхъ обязательные сборы. Пока не только существуетъ, но и господствуетъ такой взглядъ, до тѣхъ поръ немислимо истинное обновленіе народной жизни. Мы надѣемся и вѣримъ, что онъ будетъ опровергнуто войною, что противъ ея уроковъ не устоятъ тщательно поддерживаемыя, но безнадежно распатанныя перегородки.

Вездѣ ли соблюдается лозунгъ, съ кажушася единодушьемъ провозглашенный въ первые дни войны? Всѣми ли забыты, на время, партійныя разногласія или, по меньшей мѣрѣ, отложены въ сторону партійные счеты? Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе очевидной невозможность безусловно утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Возьмемъ, для примѣра, одинъ фактъ, далеко не первостепенной важности, но очень характерный. Послѣ друхлѣтняго безголовья, послѣ троекратнаго неутвержденія городскимъ головою избраннаго думою кандидата, Москва получила возможность вновь возвысить свой голосъ. Выборъ думы остановился на М. В. Челноковѣ. Можно было ожидать, что меньшинство, сознавая всю ненормальность создавагося положенія—ненормальность, особенно бросающуюся въ глаза именно въ нынѣшнее тяжелое время,—помирится съ своей неудачей или, по меньшей мѣрѣ, не пойдетъ прямо въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ думы. Случилось, однако, не такъ: двумя гласными (одинъ изъ нихъ—небезызвѣстный гражданскій истецъ по дѣлу Бейлиса, г. Шмаковъ) принесена жалоба на избраніе М. В. Челнокова, мотивированная, между прочимъ, незначительностью полученнаго имъ большинства (79 голосовъ противъ 67). Въ настоящее время, по мнѣнію жалобщикова, столичный городской голова «долженъ являться способнымъ объединять населеніе города во имя любви къ родинѣ». Но гдѣ же основаніе считать болѣе къ тому способнымъ лицо, никѣмъ въ городскіе головы не избранное? Кому пришлось бы исполнять обязанности головы, въ случаѣ неутвержденія М. В. Челнокова? Или товарищу городского головы, уже два года фактически стоящему во главѣ городского общественнаго управленія, но кандидатомъ на званіе головы не выступавшему и, слѣдовательно, никѣмъ къ дѣлу объединения не

призванному—или лицу, которое было бы назначено головою, помимо желанія и воли городского населенія. Можно ли, затѣмъ, вѣрить въ серьезность основного мотива, приведеннаго жалобщиками? Не ясно ли, что противодѣйствіе М. В. Челнокову исходитъ изъ соображеній партійнаго характера? Всякое сомнѣніе по этому предмету устраняется дальнѣйшимъ указаніемъ жалобы: М. В. Челноковъ принадлежитъ къ нелегализованной конституціонно-демократической партіи и, слѣдовательно, согласно неоднократнымъ циркулярамъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ быть городскимъ головою. Какова бы ни была законная цѣнность этого указанія, понятнымъ и допустимымъ оно было бы только въ устахъ блюстителя неприкосновенности административныхъ распоряженій. Не дѣло избранныхъ городского населенія наводить справки о партійной окраскѣ своего товарища и сообщать ихъ кому слѣдуетъ, для надлежащихъ мѣропріятій. Особенно страннымъ подобное вторженіе въ чужую область представляется именно теперь, когда члены всѣхъ партій работаютъ надъ однимъ общимъ дѣломъ, стремятся къ одной общей цѣли. Г. г. Шмакову и Воскресенскому не мѣшало бы взять примѣръ хотя бы съ г. Пуришкевича, котораго опытъ войны научилъ говорить съ уваженіемъ о представителяхъ лѣвыхъ партій, о полякахъ и даже о столь ненавистныхъ ему еще недавно евреяхъ...

Если съ трудомъ поддается перемѣнѣ привычный взглядъ на партійныхъ противниковъ, то еще меньше можно ожидать кореннаго поворота въ отношеніи къ «инородцамъ». Старинная неприязнь таятся подъ пепломъ и ежеминутно можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ. А между тѣмъ, именно теперь сдержанность въ этой сферѣ особенно необходима, какъ потому, что болѣе, чѣмъ когда-либо, цѣнно сохраненіе внутренняго мира, такъ и потому, что болѣе чѣмъ когда-либо опасно сѣять, въ нервно настроенной средѣ, подозрѣнія и тревогу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ прибалтійскомъ краѣ многое обстоитъ неладно, что нѣмецкое населеніе играетъ въ немъ роль, не соответствующую ни его численности, ни его политическому развитію; но если отсюда проистекаетъ необходимость или даже неотложность коренныхъ реформъ, то не теперь же, въ военное время, онѣ могутъ быть предприняты и не съ предвзвѣтой, слѣпой враждебностью должны быть проведены. Такія «разслѣдованія», какими занимается въ настоящее время часть нашей печати—та именно часть, которая еще недавно меньше всего расположена была къ поддержкѣ правъ и интересовъ эстонско-латышской массы,—слишкомъ легко приобрѣтаютъ характеръ, мало свойственный и мало приличествующій литературѣ. На сцену выдвигаются такія данныя (т. е. будто бы данныя), отъ которыхъ только одинъ шагъ до обвиненія въ шпіонствѣ; а чѣмъ

грозить такое обвиненіе въ военное время, какъ легко оно можетъ быть подхвачено толпою или стать первымъ звеномъ въ цѣпи, заключительное звено которой заранее предугадать нельзя—это не требуетъ поясненія. Корреспондентъ газеты, мѣняющей объекты своей травли, но всегда окрашивающей ее въ одинъ и тотъ же націоналистическій цвѣтъ, увѣряетъ, напримѣръ, что на вершинѣ одной изъ рижскихъ лютеранскихъ церквей и на другихъ зданіяхъ съ «готическими оконечностями» появляются ночью «сигнальные огни», что въ рижскихъ городскихъ лѣсахъ прорублены просѣки для болѣе удобнаго передвиженія непріятельскихъ войскъ, устроены вышки для передачи свѣдѣній врагу. Какъ бы категорически ни опровергались нѣкоторыя изъ этихъ сообщенія, какъ бы просто и успокоительно ни объяснялись другія ¹⁾, они оставляютъ извѣстный осадокъ подозрительности и страха, изъ котораго могутъ родиться весьма нежелательныя послѣдствія. Имъ вѣрятъ, ихъ повторяютъ—можетъ быть, съ обычными преувеличеніями,—и атмосфера, безъ того наполненная электричествомъ, ежеминутно можетъ стать грозовой. Что значить слово *шпионство*, произнесенное при извѣстной обстановкѣ, что значить даже не совсѣмъ явный намекъ въ этомъ направленіи, — это знаетъ всякій. И въ особенности велика опасность тамъ, гдѣ въ теченіе многихъ десятилѣтій накоплялся взаимное недоверіе, зрѣла взаимная вражда. Въ остзейскомъ краѣ матеріаловъ для взрыва болѣе чѣмъ достаточно: увеличивать ихъ количество было бы непростительно даже для «святой простоты»—а не она, конечно, составляетъ отличительную черту «благонамѣренныхъ» изысканій.

Сквозь покрывало, наброшенное на русскую печать военною цензурой, многое не видно вовсе, многое скорѣе угадывается, чѣмъ видится, многое вырисовывается только въ смутныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что много дѣлается для населенія, пострадавшаго отъ войны, и правительствомъ и крупными организаціями, въ родѣ союзовъ общеземскаго и общегородскаго, и обществами, и частными лицами; но какъ устроена помощь на мѣстахъ, какъ она распредѣляется между различными группами населенія, какъ обходятся при этомъ разные подводные камни, созданные многолѣтними недоразумѣніями или традиціонною національною враждою—объ этомъ слышно очень мало. На одну сторону этого вопроса бросаетъ нѣкоторый свѣтъ замѣтка кн. Е. Н. Трубецкаго: «Къ постановленію варшавскаго обывательскаго комитета», появившаяся на дняхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 241). Варшавскій обывательскій

¹⁾ См. Письмо изъ прибалтійскаго края въ № 242 „Русскихъ Вѣдомостей“.

комитетъ, оказывающій помощь пострадавшему отъ войны населенію Царства Польскаго, «исходя изъ принциповъ гуманности и справедливости, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей», постановилъ пригласить въ свой составъ представителя еврейской общины г. Берисона. «Крупное событіе—говорить по этому поводу кн. Трубецкой,—совершается на нашихъ глазахъ: духовные барьеры рушатся, общее страданіе, общая нужда и опасность сближаютъ народы, и въ русско-польскомъ примиреніи находятъ себѣ мѣсто и третій народъ—народъ еврейскій». Мы вполне понимаемъ и раздѣляемъ чувство, которымъ проникнуты слова кн. Трубецкого; но невольно возникаетъ вопросъ, неужели до постановленія комитета дѣло помощи въ Варшавѣ и въ другихъ пострадавшихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго велось безъ всякаго общенія между національностями, населяющими Царство? Неужели *обывательскій* комитетъ въ городѣ, цѣлая треть жителей котораго—евреи, могъ начать свою дѣятельность безъ участія ихъ представителей и считать привлеченіе въ свою среду *одного* еврея настолько яркимъ доказательствомъ гуманности и справедливости, чтобы торжественно оповѣстить о томъ *urbi et orbi*? Конечно, каждая народность, живущая въ Варшавѣ, многое предпринимаетъ специально для своихъ членовъ и распоряжается такими предприятиями самостоятельно, никого со стороны къ участию въ нихъ не привлекая; но вѣдь въ обывательскій комитетъ стекаются, безъ сомнѣнія, средства изъ самыхъ различныхъ источниковъ—средства, значительная часть которыхъ предназначена жертвователями для *всѣхъ* пострадавшихъ, независимо отъ ихъ религіи и національности. Постановленіе варшавскаго комитета мы можемъ разсматривать, поэтому, лишь какъ первый шагъ къ осуществленію высокихъ началъ гуманности и справедливости. Крушеніе «духовныхъ барьеровъ» началось, мы этому вѣримъ; но чтобы честь участія въ великомъ дѣлѣ могла быть упрочена за варшавскими поляками, недостаточно сдѣланнаго до сихъ поръ варшавскимъ комитетомъ.

Вездѣ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, вездѣ, гдѣ одна ихъ близость нарушила правильный ходъ народной жизни, евреямъ приходится терпѣть еще больше, чѣмъ другимъ элементамъ населенія. Поразительную, съ этой точки зрѣнія, картину даетъ письмо еврея, напечатанное на дняхъ—*mirabile dictu!*—въ «Новомъ Времени» (№13863). «Я вижу»—читаемъ мы здѣсь,—«женщину, мужъ которой ушелъ на войну и которая, не имѣя средствъ къ существованію, не можетъ, однако, воспользоваться предлагаемымъ ей родными пріютомъ, потому только, что родные эти живутъ въ городѣ, гдѣ она не имѣетъ права жительства. Я вижу мальчика-гимназиста, родной городъ котораго въ рукахъ нѣмцевъ; мальчика готовы пріютить родные, живущіе въ

Петроградѣ, и мѣстная гимназія готова его принять, но все это неосуществимо, такъ какъ онъ не имѣетъ въ Петроградѣ права жительства. Я вижу сотни молодыхъ людей, которымъ русскіе университеты закрыли двери, какъ евреямъ, а нѣмецкіе изгнали, какъ русскихъ. Я слышу сегодня, что непримѣнявшееся въ теченіе двадцати лѣтъ правило о необходимости указанія во всѣхъ еврейскихъ паспортахъ примѣтъ владѣльца паспорта начинаетъ впервые примѣняться теперь, и въ послѣдніе дни нѣсколько лицъ, обладающихъ безспорнымъ правомъ жительства въ столицѣ, но прибывшихъ сюда съ паспортами безъ примѣтъ, были выселены съ проходными свидѣтельствами... Въ недоумѣніи стою я передъ этими противорѣчiami жизни и спрашиваю себя: кому все это нужно? Въ чьихъ интересахъ и ради какой справедливости на плечи населенія возлагается въ это ужасное время такая тягота? Неужели никто не задумывается надъ тѣмъ, какая трагедія создается въ душѣ каждаго еврея условиями, въ которыхъ онъ долженъ жить въ это тяжелое время?.. Дополненіемъ къ этому по истинѣ потрясающему письму можетъ служить статья кн. Павла Дмитриевича Долгорукова: «Война и положеніе евреевъ», напечатанная въ № 242 «Русскихъ Вѣдомостей». «Много тысячъ раненыхъ евреевъ—говоритъ почтенный авторъ,—разсыяно теперь по всей Россіи, въ томъ числѣ и внѣ черты. Ихъ родственники не могутъ быть при нихъ или пріѣхать къ нимъ даже на короткое время. А если еврей-солдатъ умретъ, его близкіе бываютъ лишены возможности отдать ему послѣдній долгъ или должны для этого нарушить законъ, проживать тайно, безъ прописки... «Нужно ли все это»—спрашиваетъ кн. Долгоруковъ,—«для великой Россіи, призванной теперь освободить племена и народности отъ иноземнаго гнета? Полная отмѣна національныхъ ограниченій должна пройти чрезъ законодательныя учрежденія, но смягченіе ихъ въ теченіе военнаго времени было бы возможно и теперь». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что эта мысль носится въ воздухѣ, проникаетъ даже туда, гдѣ еще недавно для нея не было мѣста. Война, освободительная по своему духу и своимъ цѣлямъ, не можетъ не стать освободительной и внутри государства.

Въ Москвѣ происходило на дняхъ общее собраніе членовъ Общества Мира. На его обсужденіе внесена была кн. П. Д. Долгоруковымъ резолюція слѣдующаго содержанія: «Германскій милитаризмъ въ интересахъ права и мира долженъ быть сокрушенъ окончательно. Россія, втянутая въ войну, ведетъ ее противъ германскаго милитаризма, но не противъ германской народной культуры». Нѣкоторые ораторы указывали, что борьба ведется теперь не только противъ гер-

манскаго милитаризма, но и противъ нѣмецкой внутренней культуры послѣднихъ десятилѣтій, порожденіемъ которой явился германскій милитаризмъ; духовныя цѣнности въ Германіи ослабѣли, пораженныя милитаризмомъ; теперешняя ея культура—не культура. Послѣ разъясненія кн. П. Д. Долгорукова, что въ предложенной имъ резолюціи имѣется въ виду народная германская культура, создавшаяся не во время периода развившагося милитаризма, а въ теченіе вѣковъ напряженной духовной работы, предложенная имъ резолюція была единогласно принята. Этому результату мы глубоко сочувствуемъ. Противъ *народной* культуры, какими бы недостатками она ни страдала, нельзя вести борьбу извнѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Только въ глубинѣ народнаго духа можетъ найтись сила, необходимая для ея обновленія и возрожденія—и въ проявленіе этой силы нельзя не вѣрить, если народъ имѣетъ великое прошлое. Оговорка, которою заканчивается резолюція Общества Мира, цѣнна именно какъ протестъ противъ попытокъ возбудить въ русскомъ обществѣ вражду ко всему нѣмецкому—къ нѣмецкому искусству, нѣмецкой литературѣ, нѣмецкой наукѣ. Къ несчастью, этимъ попыткамъ помогаютъ сами нѣмцы; коллективныя заявленія нѣмецкихъ ученыхъ и художниковъ выставляютъ ихъ какъ бы сообщниками или, по меньшей мѣрѣ, апологетами гнусностей и звѣрствъ, творимыхъ германскимъ правительствомъ и, по его приказанію или съ его безмолвнаго согласія, германскими войсками. Умами многихъ, слишкомъ многихъ выдающихся нѣмецкихъ людей овладѣло нѣчто въ родѣ остраго помѣшательства: они видятъ то, чего нѣтъ, и не видятъ того, что есть. Показать имъ, до какой степени они неправы, можетъ только время: оно раскроетъ глаза ослѣпленнымъ и образумитъ обманутыхъ. Превосходный отвѣтъ дали имъ англійскіе ученые, въ воззваніи, переводъ котораго появился недавно въ русской печати. «Мы глубоко уважаемъ—таковы заключительныя его слова,—германскую науку. Мы связаны съ Германіей узами уваженія, дружбы, любви. Мы глубоко скорбимъ, что Германія, подъ вліяніемъ своей милитаристской системы и мечтаній о завоеваніяхъ, заняла положеніе общаго врага всей Европы». И вмѣстѣ съ тѣмъ авторы воззванія признаютъ, что войну, которая теперь началась, слѣдуетъ довести до конца; «для насъ—говорятъ они,—это война оборонительная, война во имя свободы и мира». Такія слова, произнесенныя такимъ тономъ, не заграждаютъ дорогу къ сближенію между народами, для общей дѣятельности которыхъ на общую пользу должно, рано или поздно, наступить время.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ГЕРМАНСКІЕ УЧЕНЫЕ И МИЛИТАРИЗМЪ.

Интересная полемика завязалась между нѣмецкими и французскими учеными по поводу войны. Въ газетахъ разныхъ странъ было напечатано воззваніе «къ цивилизованнымъ націямъ», подписанное многими изъ самыхъ громкихъ именъ представителей германской науки, литературы и искусства. Это воззваніе разсылалось отдѣльнымъ лицамъ, писателямъ и ученымъ, и спеціальнымъ научнымъ учреждениямъ Франціи, Англии и нейтральныхъ государствъ. Въ числѣ подписавшихся мы видимъ знакомыя всѣмъ имена: Эрнста Геккеля, Вундта, Оствальда, Рентгена, Эрлиха, Виндельбанда, Карла Лампрехта, Пауля Лабанда, Листа, Густава Шмоллера, Луио Brentano, Конрада, художника Каульбаха, Франца Штука, Макса Рейнгардта, беллетристовъ — Гауптмана, Зудермана, Лудвига Фульды и т. д.

Этотъ манифестъ высшей германской интеллигенціи вызвалъ многочисленныя отвѣты со стороны французскихъ ученыхъ и публицистовъ, которые отчасти воспользовались имъ какъ матеріаломъ для выясненія и характеристики своеобразной психологической основы нѣмецкаго патріотизма. Знаменитые германскіе философы, естествоиспытатели, историки и юристы признаютъ себя безусловно солидарными съ Вильгельмомъ II, съ его министрами и совѣтниками, со всѣми подвигами его войскъ и съ самой сущностью прусскаго милитаризма. Они возлагаютъ на враговъ Германіи всю отвѣтственность за войну и ея ужасы. Заявленія и доводы ихъ заслуживаютъ того, чтобы быть отмѣченными и сохраненными для потомства.

«Въ качествѣ представителей нѣмецкой науки и нѣмецкаго искусства, — говорятъ они, — мы торжественно протестуемъ предъ лицомъ культурнаго міра противъ лжи и клеветы, которыми наши враги пытаются загрязнить правое и доброе дѣло Германіи въ навязанной намъ страшной борьбѣ, угрожающей самому нашему существованію. Ходъ событій отчасти успѣлъ опровергнуть эту живую пропаганду, которая возвѣщала только германскія неудачи. Но съ тѣмъ большею настойчивостью повторяются усилія извратить истину и сдѣлать насъ ненавидимыми. Противъ этихъ махинацій мы и протестуемъ громкимъ голосомъ, и этотъ голосъ есть голосъ истины». Авторы манифеста, специалисты разныхъ наукъ, подробно объясняютъ затѣмъ, что есть ложь и что есть истина. «Неправда, — заявляютъ они, — что Германія вызвала эту войну. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не желали ея. До послѣдней минуты, до предѣловъ возможнаго, Германія

боролась за сохраненіе мира. Весь свѣтъ можетъ въ этомъ удостовѣриться на основаніи доказательствъ, представляемыхъ подлинными документами. Много разъ въ продолженіе своего двадцатилѣтняго царствованія Вильгельмъ II являлся охранителемъ мира, и этотъ фактъ неоднократно признавали сами враги. Они забываютъ, что этотъ императоръ, котораго они осмѣливаются сравнивать съ Аттилой, былъ въ теченіе долгихъ лѣтъ предметомъ изъ насмѣшекъ именно за его непоколебимое миролюбіе. Нашъ народъ поднялся какъ одинъ челоувѣкъ только тогда, когда онъ подвергся сначала угрозамъ, а потомъ нападенію изъ-за угла со стороны трехъ великихъ державъ».

Внѣшніе поводы къ войнѣ всѣмъ извѣстны: одобренное Германіею рѣшеніе Австро-Венгріи напасть на Сербію и лишить ее самостоятельности, упорное нежеланіе отсрочить исполненіе задуманнаго плана хотя бы на одинъ день, рѣзкое отклоненіе заступничества Россіи и мирнаго посредничества четырехъ великихъ державъ, и, наконецъ, предъявленное Россіи неожиданно-грубое требованіе Германіи остановить начатую частичную мобилизацію въ теченіе двѣнадцати часовъ. Какое же изъ этихъ обстоятельствъ было навязано Германіи ея врагами? Кто заставилъ ее такъ рѣшительно поддерживать австрійскій проектъ «карательной экспедиціи» и отвергать всѣ попытки соглашенія съ другими заинтересованными державами? Если никто въ Германіи не желалъ войны, то почему же она поторопилась обратиться къ Россіи съ грознымъ ультиматумомъ вмѣсто того, чтобы побудить австрійцевъ отказаться отъ опасныхъ воинственныхъ предпріятій на ближнемъ Востокѣ? Вильгельмъ II много разъ вносилъ тревогу въ общее международное положеніе и подвергалъ большому испытанію миролюбіе сосѣднихъ государствъ, особенно Франціи и Россіи: достаточно вспомнить его рѣзкія выступленія въ вопросахъ мароккскомъ и боснійскомъ. Но источникомъ постояннаго и все болѣе возрастающаго безпокойства служили лихорадочныя, колоссальныя военныя приготовленія на сушѣ и на морѣ, которыя въ послѣднее время приняли прямо вызывающій характеръ, указывая на опредѣляющія вполне созрѣвшія рѣшенія прусско-германской военной партіи, душою которой былъ самъ императоръ. Пока Германія не была готова къ успѣшной войнѣ на два фронта, Вильгельмъ II избѣгалъ окончательной развязки и довольствовался скрытыми или явными угрозами, производившими желательный ему эффектъ безъ соответственнаго риска; но, какъ только всѣ приготовительныя мѣры были закончены, онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ для устройства міроваго пожара, долженствующаго будто бы прославить его царствованіе. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что двадцать шесть лѣтъ онъ не велъ никакой войны въ Европѣ, а на двадцать седьмомъ году, достигнувъ боевой готовности,

обеспечивающей увѣренность въ побѣдѣ,—рѣшилъ воевать. Очевидно, германскіе ученые, подписавшіе манифестъ, приняли на вѣру заведомо ложныя официальныя объясненія, по которымъ выходило, что не Германия обращалась къ Россіи съ ультиматумомъ, а напротивъ, Россія угрожала Германіи и коварно напала на нее въ самый разгаръ берлинскихъ хлопотъ о мирѣ.

Наивные приемы безыскусственного обмана, рассчитанные на такъ называемую большую публику, оказались на этотъ разъ убѣдительными и для высшей германской интеллигенціи, которая вообще склонна относиться съ полнымъ довѣріемъ къ правителямъ своей страны. Дѣло въ томъ, что по вопросамъ внѣшней политики общественное мнѣніе Германіи располагаетъ только тѣми свѣдѣніями, какія находятъ полезнымъ сообщать правительство, а частныя лица не имѣютъ возможности провѣрить, въ какой степени эти свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но манифестъ нѣмецкихъ ученыхъ идетъ гораздо дальше простой довѣрчивости въ своихъ утвержденияхъ, касающихся образа дѣйствій германскихъ войскъ въ Бельгіи и въ другихъ мѣстахъ. «Неправда,—продолжаютъ авторы воззванія,—что мы преступнымъ образомъ нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Мы имѣемъ неопровержимое доказательство того, что Франція и Англія, увѣренныя въ соучастіи Бельгіи, имѣла сами въ виду нарушить ея нейтралитетъ. Со стороны нашего отечества было бы актомъ самоубійства не предупредить противниковъ въ этомъ отношеніи. Неправда, что наши солдаты покушались на жизнь или имущество какого бы ни было бельгійскаго гражданина, не будучи къ тому вынужденными тяжкою необходимостью законной защиты. Ибо, вопреки нашимъ предупрежденіямъ, населеніе не переставало измѣнническимъ образомъ стрѣлять въ наши войска, причиняло увѣчья нашимъ раненымъ и избивало врачей при исполненіи ихъ профессиональныхъ обязанностей. Было бы позорно замалчивать жестокости этихъ убійцъ и ставить германцамъ въ вину справедливое наказаніе, которому они вынуждены были подвергнуть этихъ бандитовъ. Неправда, что наши войска грубо разрушили Лувенъ. Предательскія нападенія озлобленныхъ жителей заставили нѣмцевъ противъ воли прибѣгнуть къ репрессаліямъ и бомбардировать нѣкоторые кварталы города. Значительная часть Лувена осталась нетронутою. Знаменитая ратуша вполне сохранилась; наши солдаты охраняли ее отъ огня съ опасностью жизни. Если въ этой страшной войнѣ были уничтожены произведения искусства, то всякій нѣмецъ будетъ объ этомъ сожалѣть; но, дорожа предметами художественнаго творчества не менѣе другихъ націй, мы рѣшительно отказываемся покупать сохраненіе какого-либо художественнаго произведенія цѣною пораженія нашего оружія».

Въ этой удивительной аргументаціи бросается въ глаза нѣкоторая логическая несообразность. Насильственное нарушение чужого нейтралитета, обезпеченнаго самою Германіею, не перестаетъ быть нарушеніемъ отъ того, что и другія державы намѣревались будто бы нарушить этотъ нейтралитетъ. Но въ чемъ могли заключаться «неопровержимыя доказательства» злостныхъ намѣреній Франціи и Англии, если передъ началомъ войны французское правительство, въ отвѣтъ на формальный запросъ лондонскаго кабинета, категорически подтвердило свое обязательство соблюдать нейтралитетъ Бельгіи? Можно ли свои собственные преступныя или незаконныя дѣйствія оправдывать предполагаемыми чужими намѣреніями, даже если бы послѣднія дѣйствительно существовали? Называть «убійцами» и «бандитами» несчастныхъ бельгійцевъ, защищавшихъ свою родину отъ непріятельскаго нашествія, и отрицать даже ихъ право на самооборону, признавая это право только за напавшими на нихъ насильниками,—это ужъ слишкомъ рѣзко противорѣчитъ не только идеямъ права и этики, но и простому здравому смыслу. И подъ этимъ чудовищнымъ разсужденіемъ подписался знаменитый криминалистъ, профессоръ Листъ.

Никто не обвинялъ бы германскія войска въ уничтоженіи драгоценныхъ историческихъ памятниковъ и предметовъ искусства, если бы это было невольнымъ послѣдствіемъ бомбардировки, связанной съ обычнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій; но германцамъ ставятъ въ вину сознательное разрушеніе такихъ городовъ, какъ Лувэнъ, не по мотивамъ военной защиты, а подъ предлогомъ наказанія за мнимыя проступки отдѣльныхъ жителей. Въ Лувэнѣ были не бомбардировкою уничтожены, а умышленно сожжены зданія университета, бібліотеки, музея и старинной церкви, вѣсь всякой зависимости отъ военныхъ надобностей; также точно и разрушеніе Реймскаго собора не было дѣломъ случая и необходимости, а вызвано лишь желаніемъ произвести устрашающее впечатлѣніе на умы французовъ. Воздержаніе отъ подобныхъ дѣйствій никакъ не могло бы привести къ неудачѣ или пораженію германскаго оружія, на что напрасно ссылаются авторы манифеста.

Самая непріятная и обидная для насъ часть воззванія касается способовъ и приемовъ войны со стороны враговъ Германіи. «Неправда,—говорятъ нѣмецкіе ученые,—что въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ мы нарушаемъ предписанія международнаго права. Наши солдаты не совершаютъ никакихъ жестокостей и никакихъ самовольныхъ насилій. Зато на востокѣ нашего отечества земля обгаряется кровью женщинъ и дѣтей, убитыхъ непріятельскими полчищами, и на поляхъ битвъ у рѣки Уазы пули думъ-думъ нашихъ противниковъ разрываютъ груди нашихъ доблестныхъ солдатъ. Тѣ, кто дѣйствуетъ

заодно съ русскими и сербами и не боится возбуждать монголовъ и негровъ противъ бѣлой расы, представляя такимъ образомъ самое постыдное зрѣлище, какое можно только придумать,—имѣютъ, конечно, наименьшее право претендовать на роль защитниковъ европейской цивилизаціи».

Здѣсь не только повторяется завѣдомо лживое, возмутительное обвиненіе противъ русскихъ войскъ и противъ французскаго военнаго управленія, но высказывается взглядъ, что русскіе и сербы принадлежатъ къ низшей расѣ, съ которою позорно находится въ союзѣ французамъ и англичанамъ,—взглядъ, достойный какого-нибудь невѣжественнаго нѣмецкаго шовиниста, но невѣроятный въ устахъ ученыхъ историковъ, юристовъ и философовъ. И подъ такими жалкими язвительными словами мы видимъ подписи Шмоллера, Брентано, Лабанда, Лампрехта, Геккеля, Вундта, Оствальда, Ренгтена и другихъ, къ которымъ довѣрчиво направлялись за поученіемъ цѣлыя поколѣнія начинающихъ русскихъ ученыхъ! Русскіе были желанными союзниками для Пруссіи, пока они спасали ее отъ Наполеона и помогали ей создать могущественную имперію; теперь они попали въ одинъ разрядъ съ монголами и неграми только потому, что перестали поддерживать чрезмѣрные притязанія Германіи и вынуждены были перейти въ лагерь ея противниковъ. Высокомѣрное отношеніе къ японцамъ, индусамъ и тюркосамъ тѣмъ болѣе странно со стороны германскихъ патриотовъ, что сами они не брезгаютъ союзомъ съ турками и готовы дѣйствовать заодно съ башибузугами, поощряя такія варварскія предпріятія, какъ засыпку или поврежденіе Суэзскаго канала. Поведеніе японцевъ во время войны съ Россіей никогда не давало повода къ тѣмъ ужаснымъ обвиненіямъ, которыя официально выставляются противъ германскихъ войскъ; они не добывали раненыхъ, обращались по-человѣчески съ плѣнными, не истребляли мирныхъ жителей, не грабили ихъ такъ открыто, не предавали городовъ и селъ огню и мечу, не распоряжались «сравнять ихъ съ землею» за проступки отдѣльныхъ лицъ;—и вообще, сравнительно съ нынѣшними германскими командирами, они вели себя какъ джентльмены, и оттого было такъ легко сойтись и сблизиться съ ними послѣ войны.

Нѣмецкіе ученые заступаются именно за тѣ ненужныя жестокости, которыя ставятся въ вину германцамъ, и они берутъ подъ свою защиту самый источникъ этихъ военныхъ ужасовъ—пруско-германскій милитаризмъ. «Неправда,—заявляютъ они,—что борьба противъ нашего такъ называемаго милитаризма направлена не противъ нашей культуры, какъ увѣряютъ наши лицемѣрные враги. Безъ нашего милитаризма наша цивилизація была бы давно уничтожена.

Именно для ея защиты возникъ милитаризмъ въ нашей странѣ, несравненно болѣе доступной нашествіямъ, чѣмъ другія страны. Германская армія и германскій народъ составляютъ одно цѣлое. Это чувство единства связываетъ теперь милліоны жителей безъ различія образованія, классовъ и партій». Воззвание заканчивается фразами, которыя напоминаютъ скорѣе истерическій вопль, чѣмъ разумный выводъ изъ предыдущаго: «Ложь есть отравленное оружіе, котораго мы не можемъ вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ. Мы можемъ только громко заявить передъ всѣмъ свѣтомъ, что они ложно свидѣлствуютъ противъ насъ. Вамъ, знающимъ насъ и бывшимъ вмѣстѣ съ нами хранителями самыхъ драгоцѣнныхъ благъ человѣчества, мы кричимъ: вѣрьте намъ! Вѣрьте, что въ этой борьбѣ мы пойдемъ до конца, въ качествѣ цивилизованнаго народа, — въ качествѣ народа, которому наслѣдіе Гёте, Бетховена и Канта столь же дорого, какъ родная почва и родной очагъ. Мы ручаемся за это нашимъ именемъ и нашей честью».

Спрашивается однако: кто и когда угрожалъ германской культурѣ, заставляя ее искать спасенія въ милитаризмѣ? Не тѣ ли, которые въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ были ея послушными учениками и поклонниками? Какія нашествія угрожали Германіи со времени ея объединенія? Не она ли, напротивъ, держала въ страхѣ Францію своими постоянными придирами и вооруженіями? Не она ли требовала отъ Россіи безпрекословнаго подчиненія всѣмъ балканскимъ планамъ Австро-Венгріи? Развѣ Англія мѣшала ей расширять свою морскую торговлю и увеличивать свои колониальныя владѣнія? Не Германія ли, напротивъ, вызывала беспокойство англичанъ созданіемъ огромнаго военнаго флота, способнаго угрожать британскому?

Въ области своихъ специальностей ученые авторы могли бы сказать: «вѣрьте намъ»; но этотъ возгласъ теряетъ всякое значеніе, когда дѣло касается фактовъ, извѣстныхъ имъ только со словъ официальныхъ представителей власти и въ одностороннемъ или фальшивомъ освѣщеніи. Нѣмецкая культура развивалась и процвѣтала, когда Германія не находилась еще подъ гнетомъ прусскаго милитаризма; Гёте, Бетховенъ и Кантъ дѣйствовали въ эпоху, когда народы болѣе увлекались идеями свободы, чѣмъ грубыми соблазнами военнаго могущества. Роль прусскаго милитаризма, какъ защитника высшей германской культуры, представляетъ какую-то непонятную обмолвку со стороны серьезныхъ дѣятелей нѣмецкой науки и литературы. Если нѣмцамъ дорога родная почва, то вѣдь никто не посягалъ на нее, а, напротивъ, Германія вторглась въ чужія земли, которыя не менѣе дороги бельгийцамъ, французамъ и русскимъ, чѣмъ нѣмецкія—германцамъ. Легко говорить: «мы дойдемъ до конца»; но до какого конца

придется идти—это зависитъ уже не отъ говорящихъ, и даже не отъ дѣйствующихъ германцевъ, а отчасти и отъ противниковъ ихъ, въ связи съ сложною совокупностью обстоятельствъ, надъ которыми нѣмцы не властны.

Мы не сомнѣваемся, что нѣмецкіе ученые, подписавшіе приведенное воззваніе, находились въ состояніи особаго патристическаго гипноза, парализующаго способность правильно рассуждать. Въ Германіи повсюду, въ правительственныхъ и парламентскихъ кругахъ, въ обществѣ и въ печати, повторяется одинъ и тотъ же лозунгъ: «надо идти до конца, до полной побѣды надъ врагами». Знаменитый Вундтъ, профессоръ философіи въ Лейпцигѣ, выпустилъ недавно брошюру, въ которой доказываетъ необходимость разъ навсегда покончить съ Англіею и завладѣть ея колоніями, отвзять у Россіи Польшу и отдать ее австрійцамъ, присоединить къ Германіи наши остзейскія провинціи и т. д. Извѣстный теоретикъ-экономистъ, профессоръ Вернеръ Зомбартъ, въ напечатанной имъ газетной статьѣ, высказывается въ томъ же духѣ; онъ также находитъ, какъ и Эрнстъ Геккель, что враждебныя державы, съ Англіею во главѣ, должны быть раздавлены для блага Германіи. Если бы эти сторонники крутыхъ и окончательныхъ рѣшеній отдавали себѣ отчетъ въ практическомъ смыслѣ своихъ словъ, то прежде всего они должны были бы остановиться надъ вопросомъ: можетъ ли Германія, хотя бы при союзѣ Австро-Венгріи и Турціи, рассчитывать на полный и окончательный успѣхъ въ одновременной борьбѣ съ такими тремя державами, какъ Франція, Англія и Россія? Имѣетъ ли она какіе-нибудь шансы одолѣть и настолько обезсилить всѣхъ своихъ враговъ, чтобы быть въ состояніи предписать имъ условія мира? Допустимъ на минуту невозможное,—что германцамъ и австрійцамъ удалось бы, благодаря необыкновенно счастливымъ обстоятельствамъ, одержать верхъ надъ тремя государствами, насчитывающими въ совокупности втрое или вчетверо больше населенія и вооруженныхъ силъ,—неужели такой временный и случайный успѣхъ могъ бы считаться прочнымъ, способнымъ надолго обезпечить міровое владычество Германіи? Раздавить Англію, уничтожить Францію, одолѣть Россію,—вѣдь это очевидный бредъ больного воображенія. Такие трезвые умы, какъ Шмоллеръ, Зомбартъ, Brentano, Labandъ, должны были бы вспомнить, что возможна и другая гипотеза, кромѣ принятой ими за аксіому или за исходную точку,—что и противники могутъ рѣшиться по-своему «идти до конца», до полного разгрома Германіи и ея союзниковъ, и что они также имѣютъ хоть нѣкоторые шансы достигнуть цѣли. Рассуждая здраво, нельзя отрицать, что для русскихъ армій, по меньшей мѣрѣ, столь же легко или столь же трудно добраться до Берлина, какъ германскимъ войскамъ — добраться до Петрограда

или до Москвы: первое представляется во всякомъ случаѣ болѣе осуществимымъ, чѣмъ второе. И мы увѣрены, что все ненормальное возбужденіе германскихъ патріотовъ, заставляющее даже ученыхъ людей высказывать самыя дикія идеи, сразу уляжется и уступитъ мѣсто здоровой оцѣнкѣ реальнаго положенія вещей, когда болѣзненная мечта о побѣдѣ надъ Англіею, Россіею и Франціею будетъ разбита и уничтожена достаточно внушительными фактами. Нѣмецкій народъ убѣдится тогда, что именно милитаризмъ довелъ Германію до разоренія и подвергъ опасности все ея будущее. Неизбѣжное отрезвление нѣмецкаго общества послѣ ряда военныхъ неудачъ подготовить почву для возобновленія нарушенныхъ мирныхъ связей между нѣмцами и другими культурными націями.

Въ основѣ того явленія, которое принято называть милитаризмомъ, лежитъ исключительная вѣра въ грубую вѣшнюю силу, въ ея неизбѣжное господство надъ всѣми человѣческими отношеніями, чувствами и интересами. Созданіе такой силы, въ видѣ многочисленнѣйшей и наилучше организованной армии, снабженной самымъ усовершенствованнымъ оружіемъ, было главнѣйшей задачей Пруссіи и Германіи за послѣдніе полвѣка. Всѣ средства науки и техники, всѣ потребности и ресурсы государства были подчинены этой великой цѣли. Единственные въ мірѣ по обширности и продуктивности заводы Круппа въ Эссенѣ обезпечивали нѣмцамъ безспорное первенство въ техникѣ военнаго дѣла. Сознавая это первенство, правители Германіи и солидарные съ ними патріоты прониклись твердымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ призваніи руководить судьбами Европы и диктовать свою волю чужимъ народамъ и государствамъ. Съ этимъ убѣжденіемъ неразрывно связана прочно укрѣпившаяся увѣренность въ томъ, что силою можно всего достигнуть, что передъ силою исчезаетъ всякое право, что силѣ все дозволено и что, обладая превосходствомъ силы, государство освобождается отъ всякихъ нравственныхъ и договорныхъ обязательствъ относительно чужихъ странъ.

Подъ влияніемъ подобныхъ идей вырабатывается особая психика, которая неминуемо приводитъ къ роковымъ ошибкамъ и заключаетъ въ себѣ зародышъ гибели. Предполагается, во-первыхъ, что чужіе народы не съумѣютъ или не пожелаютъ проявить свою собственную силу, способную сломать силу противника, и что они предпочтутъ добровольно подчиниться иноземной культурной опека; во-вторыхъ, что для склоненія чужихъ націй къ покорности единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ является внушеніе имъ чувства страха при помощи безпощаднаго террора, пугающаго воображеніе народныхъ массъ; и въ-третьихъ, что вообще другимъ народамъ несвойственны тѣ инстинкты національной независимости и порывы самоотвержен-

наго патріотизма, которые претендентами на гегемонію приписываются только самимъ себѣ и своимъ соотечественникамъ.

Эта первобытная психологія, выросшая на почвѣ исключительнаго культа силы и игнорирующая чувства и интересы другихъ народовъ, погубила когда-то Наполеона, и она же привела нынѣшнюю Германію къ безцѣльной и безнадежной борьбѣ съ обширною и могущественною коалиціею. Германскіе завоевательные планы основаны были на цѣломъ рядѣ предположеній, достаточно убѣдительныхъ, по видимому, для специалистовъ военнаго дѣла, но поразительно наивныхъ съ общей политической точки зрѣнія. Для успѣха этихъ плановъ требовалось, чтобы Франція, Англія и Россія по очереди дали себя разбить, а чтобы затѣмъ онѣ примирились съ положеніемъ побѣжденных и отдали побѣдителямъ желательныя имъ территоріи, вмѣстѣ съ миллиардами контрибуціи, отказавшись отъ мысли о будущемъ возмездіи. Если можно было еще считать осуществимымъ послѣдовательное пораженіе союзныхъ армій, то дѣлаемые изъ этого практическіе выводы представлялись уже явно нелѣпыми, ибо такія страны, какъ Англія, Россія и Франція, могутъ временно терпѣть неудачи, но никакъ не могутъ быть завоеваны или покорены иноземными войсками. Желаніе дѣйствовать устрашающимъ образомъ на чужіе народы только возбуждаетъ энергію и силу сопротивленія, доводя ее до высшихъ формъ героизма, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Бельгіи. Прямолинейная логика милитаризма строить гипотезы, противорѣчащія природѣ вещей, и основываетъ на нихъ фантастическія предпріятія, которыя въ лучшемъ случаѣ даютъ лишь эфемерные, обманчивые плоды.

Казалось бы, что ученые люди, философы, юристы и историки, не должны были бы поддаваться грубымъ внушеніямъ этой примитивной логики милитаризма, но манія военнаго величія заражаетъ и сильнѣйшіе умы, если въ нихъ нѣтъ традицій здороваго гражданскаго чувства и политической свободы. Тяжелые уроки несчастной войны, быть можетъ, избавятъ Германію отъ опасныхъ иллюзій и разбудятъ въ нѣмецкомъ народѣ тѣ стремленія и идеалы, которыми нѣкогда вдохновлялись лучшіе его дѣятели.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА.

(Параллели).

...«Литература кажется мнѣ ненужной и бесполезной. Буду ли я въ состояніи когда-либо заняться ею?..» Такъ писалъ, во время франко-прусской войны, въ одномъ изъ писемъ къ Жоржъ Зандъ, великій художникъ и литераторъ Флоберъ, до тѣхъ поръ безраздѣльно преданный своему искусству, жившій только въ литературѣ и для литературы. Война его преобразила. Онъ «гнѣвается на своихъ современниковъ» за то, что они заставляютъ его «испытывать чувства какого-нибудь дикаря XII вѣка»... «*Меня душитъ злоба*»... «Какой провалъ! Какое глубокое паденіе! Какое оскудѣніе и какія гнусности! Можно ли вѣрить въ прогрессъ и цивилизацію, глядя на все, что творится? На что же нужна наука, когда народъ, среди котораго столько ученыхъ, позволяетъ себѣ гнусности, достойныя гунновъ, и даже худшія, потому что онѣ совершаются систематически, хладнокровно, преднамѣренно и не могутъ быть оправданы ни страстью, ни голодомъ...» Это возмущеніе чередуется въ Флоберѣ съ приливами высокаго патриотизма—до готовности отдать свою жизнь за родину. Изъ кабинетнаго теоретика онъ превращается въ рядового гражданина, жаждущаго борьбы. Онъ сообщаетъ своей корреспонденткѣ, что «поступилъ санитаромъ въ руанскую больницу»—въ ожиданіи, пока придется «спасать Лютецію»... «Меня влечетъ, меня зудитъ драться...»

«Литература кажется ненужной»... «Зудитъ драться»... Эти нѣсколько словъ Флобера довольно близко выражаютъ психологію современнаго вашего писателя. Тѣ изъ писателей, кто удовлетворили свое желаніе и, оставивши литературу, отправились въ ряды храбрецовъ, вѣроятно, нравственно спокойны. А оставшіеся, конечно, мысленно съ ними, испытываютъ нетерпѣливое желаніе хоть духомъ, на разстояніи, принять участіе въ героической борьбѣ. Литература, наша «мирная» литература текущаго дня, отодвинулась отъ нихъ такъ же, какъ отъ тѣхъ—воюющихъ. Все едва напечатанное и даже еще не успѣвшее появиться въ печати, а написанное до войны, кажется отошедшимъ, чужимъ.

Наша недавняя мирная литература хоть и не была обильна, но, несомнѣнно, обладала нѣкоторыми цѣнностями, свидѣтельствующими о ея движеніи и ростѣ. Взять, напр., хотя бы интересную повѣсть Ольбемъ «Трясина». Повѣсть напечатана только-что въ послѣднихъ книжкахъ «Русск. Богатства», но написана, вѣроятно *давно*, тогда, въ

другую эру. Въ иное время она, навѣрное, привлекла бы къ себѣ вниманіе—я мастерскимъ изложеніемъ, и оригинально задуманнымъ идеалистическимъ образомъ несчастной одинокой женщины, погибающей среди человѣческой «трясины»... А теперь она воспринимается глухо, какъ голосъ старой, ушедшей Россіи. Вся наша недавняя—тихая, созерцательная—жизнь представляется трясиной, на которой нельзя сосредоточиться, потому что нельзя отвести глазъ отъ ослѣпительнаго, бурлящаго передъ нами моря—отъ чудеса воодушевленія и героизма. Мы ли это? Какъ связать это яркое настоящее съ тусклымъ прошлымъ? И какая литература способна отразить эту новую блестящую жизнь?..

Литература о войнѣ пока, по понятнымъ причинамъ, почти отсутствуетъ. Еще не время для нея. Разказы, навѣянные военными событиями, носятъ обыкновенно характеръ спѣшности и интимности. Таковъ очеркъ г. Шмелева: «Суровые дни»¹⁾, гдѣ авторъ повидимому не претендовалъ на художественное обобщеніе, а безыскусственно дѣлился своими впечатлѣніями. Это нѣсколько набросковъ съ натуры о томъ, какъ «вся Россія зашевелилась». Самое дѣльное у Шмелева—удачно схваченное обще-народное бодрое настроеніе и отношеніе къ нынѣшней войнѣ, какъ къ явленію совершенно особенному, исключительному—невиданному. Эта народная психологія явственно выражена въ разсужденіяхъ философствующаго старика Орѣшкина: «Сколько живу, мнѣ пятьдесятъ весьмой, а такого дѣла не видалъ. Турецкую помню, японскую,—ни сравнима. Прямо какъ укрѣпленіе въ народѣ какое стало: ни горячаго разговору, ни скандалу... Казенки закрыли—совѣтъ не распространялись, это прямо надо сказать. И вотъ чудное дѣло,—какъ на крыльяхъ всѣ стали... чисто вотъ какъ на крыльяхъ. Всѣмъ стало понятно—дѣло серьезное... Нѣмцы зачали, отъ ихъ бѣда, съ ними разговоръ строгій»... Немногословные разговоры другихъ шмелевскихъ героевъ сводятся къ общему убѣжденію—убѣжденію, теперь въ равной степени свойственному всѣмъ русскимъ людямъ—отъ мужика до интеллигента: побьемъ, побѣдимъ!

Эта же стихійная увѣренность въ побѣдѣ и пропитанное ею горячее сочувствіе къ воюющей родинѣ объединяетъ писателей, давшихъ свои произведенія въ альманахъ «Война»²⁾.

Въ литературномъ отношеніи этотъ наскоро составленный сборникъ жидковатъ, незначителенъ. Врядъ ли что-нибудь изъ его содержимаго избѣжитъ Леты. Но онъ не пройдетъ безслѣдно. Онъ долженъ быть интересенъ читателю, какъ писательскій откликъ на захватившія всѣхъ грандіозныя событія. Въ каждомъ изъ участниковъ чувствуется

¹⁾ «Сѣв. зап.» № 8—9.

²⁾ «Война», литер.-худ. альманахъ. М. изд. Мечъ.

нетерпѣливое желаніе сказать свое слово о войнѣ. Сдѣлать это въ обычной для нихъ художественной формѣ сейчасъ нѣтъ возможности, потому они прибѣгаютъ къ простой публицистикѣ (стихи, помѣщенные въ сборникѣ, недалеко ушли отъ публицистики).

Различны писатели, принявшіе участіе въ альманахѣ, различно и ихъ принципиальное отношеніе къ войнѣ, но ихъ чувства къ нашей теперешней войнѣ отличаются полнымъ единодушіемъ.

На самой непримиримой, въ принципиальномъ отношеніи, точкѣ зрѣнія стоитъ пессимистъ Арцыбашевъ. Война ему, какъ и Флоберу, внушила мрачнѣйшія опасенія за будущее человѣчества. Его удручаетъ мысль, что одна изъ культурнѣйшихъ странъ, Германія, является воплощеніемъ варварства. «Если эта культура такъ легко спала при первомъ призывномъ крикѣ дикаря, звавшаго на грабежъ и убійство, то остается предположить одно, что въ человѣкѣ никогда и ни при какихъ условіяхъ не умретъ и не можетъ умереть дикій звѣрь»... Тѣмъ не менѣе, у Арцыбашева проскальзываетъ, что конкретно ему рисуется одинъ и тотъ же, теперь единственно представимый исходъ этой войны, исходъ желанный для всѣхъ: «Конечно, Германія будетъ раздавлена. Конечно, кровожадной ярости тевтонскихъ полчищъ будетъ положенъ предѣлъ»...

«Я не сомнѣваюсь, что союзныя войска побѣдятъ германскіе народы»,—просто заканчиваетъ свою статью Купринъ.

О томъ же явно мечтаетъ Сологубъ («На начинающаго Богъ»), Брюсовъ и другіе участники сборника. Большой націоналистическій подъемъ чувствуется въ финалѣ нѣскольکو туманнаго полубеллетристическаго очерка А. Толстого: «Максъ Вукъ».

«Не чудовище подняло голову изъ-за тумановъ и тѣсовъ, а знаменіе освобожденія и мира; знаменіе грядущаго освобожденія человѣчества поднялось съ востока, утвердилось на знаменахъ всѣхъ союзныхъ полковъ».

Горячимъ воодушевленіемъ проникнуть очеркъ Тана: «Вишневый садъ», экспансивный, какъ нечаянное признаніе. Онъ отражаетъ ту замѣчательную вспышку общественнаго единенія, вызваннаго войной, когда верхъ и низъ встрѣтились въ одномъ порывѣ, и населяющие Россію многочисленные народы почувствовали себя братьями.

«Наша Россія для насъ. Чужихъ намъ не надо. Будемъ мириться и ссориться сами, одни, безъ посредниковъ.

«Лучше родимые камни, чѣмъ чужестранные люди.

«Наша Россія для насъ. Въ Россіи намъ негдѣ жить. Мы задыхаемся безъ русскаго простора, безъ нашего нелѣпаго, милаго, безперядочнаго «Вишневаго сада», вырубленнаго сверху и снизу, дающаго все новые побѣги.

Не дадимъ чужеземцу - насильнику нашего «Вишневаго сада»
ни пади, ни дюйма. Умремъ — не уступимъ.

«Я видѣлъ на улицахъ великій народъ, объятый стихійнымъ
порывомъ. Вѣрю въ него. Сердце бьется въ унисонъ съ его много-
милліоннымъ коллективнымъ сердцемъ.

«Новая Россія не хочетъ, чтобы ее съели и били, и плевали
ей въ лицо, кто бы то ни было, хотя бы культурные нѣмцы.

Клянусь дышать и жить тобой,
И каждый сердца трепетъ жарки,
И каждой мысли проблескъ яркій,
Отдать тебѣ, тебѣ одной»...

Эти непосредственные писательскіе отклики-исповѣди, соответ-
ствующие общему всенародному настроенію, — самое цѣнное въ аль-
манахъ «Война». А его беллетристика кажется искусственно подо-
бранной, притянутой за волосы. Дѣло въ томъ, что всѣ рассказы,
посвященные прежнимъ войнамъ, не могутъ не звучать диссонансами.
Слишкомъ безпримѣрна переживаемая нами война, слишкомъ свое-
образна ея душа и опредѣленна ея стихія.]

Рассказъ Вас. И. Немировича - Данченка: «Слово Нибелунга»,
относящийся къ послѣдней турецкой войнѣ, еще можно сблизить съ
современными настроеніями. Нѣмецкія коварство и жестокость бри-
сованы въ немъ убѣдительно и наглядно. Но основныхъ токовъ
нашей народной психологии это не касается. Разбуженному русскому
сердцу не то важно, что культурные нѣмцы оказались варварами;
ему важна его положительная задача: защита отъ варварства своей—
горячо, по-новому, возлюбленной—родины и взятая на себя обще-
культурная миссія... Этихъ-то положительно-патріотическихъ нотъ и
не достаетъ въ любопытномъ рассказѣ: «Слово Нибелунга».

Еще виднѣе этотъ дефектъ въ другомъ «военномъ» рассказѣ:
«Еврей» Арцыбашева¹⁾, въ психологическомъ отношеніи интересномъ,
но оставляющемъ впечатлѣніе чего-то совсѣмъ мертваго и сейчасъ ненуж-
наго. Редакція, очевидно, сама чувствовала архаичность и анахронизмъ
этого рассказа и потому, печатая его, сдѣлала умѣстное примѣчаніе,
что онъ «написанъ еще въ 1912 г.» и «настоящей войны не ка-
сается». Если бы этой оговорки не было, арцыбашевскій рассказъ ка-
зался бы, просто, выдумкой. Ни общая картина—какой-то неудачной,
лѣнивой, беспорядочной войны, ни описанный эпизодъ, какъ два еврея,
сражавшіеся въ враждебныхъ лагеряхъ, обрадовались другъ другу...
не соответствують теперешнимъ переживаніямъ. Въ рассказѣ совсѣмъ

1) «Новая Жизнь» 1914 г. № 10.

нѣтъ тѣхъ новыхъ патріотическихъ нотъ, которыя такъ непосредственно звучатъ у Тана: «Лучше родимые камни, чѣмъ чужестранные люди»...

Нѣкоторымъ анахронизмомъ является также перепечатка въ сборникѣ «Война» Гаршинскаго разсказа и особенно статья о немъ. Не столько самъ Гаршинъ съ его сложнымъ рефлектирующимъ отношеніемъ къ «войнѣ», отразившимся въ разсказѣ «Трусъ», сколько его время,—эта больная эпоха всяческаго надлома и надрыва, — чужда современной дѣльности и бодрости.

Зато, весьма умѣстна другая перепечатка—прекраснаго, тонкаго патріотическаго разсказа Мопасана: «Мадмуазель Фифи», изъ франко-прусской войны.

Эта послѣдняя изъ большихъ европейскихъ войнъ, вообще, интересна для насъ многими сторонами,—не только по ассоціаціи контраста. Это тамъ, въ эпохѣ разгрома ослабленной Франціи, корень ядовитаго, всѣхъ отравляющаго растенія, колыбель разрушительнаго нѣмецкаго милитаризма. Современникъ войны, Флоберъ это понималъ и угадывалъ будущее съ удивительнымъ предвидѣніемъ: «Не пройдетъ и вѣка, какъ увидятъ, что милліоны людей будутъ избивать другъ друга... и, можетъ быть, Пруссія будетъ данъ хорошій урокъ, заранѣе предназначенный провидѣніемъ, чтобы возстановить европейское равновѣсіе. Эта страна была склонна гипертрофироваться, подобно Франціи при Людовикѣ XIV, и Наполеонѣ. Это мѣшаетъ другимъ органамъ. Отсюда всемірная смута. Не будетъ ли полезно чудовищное кровопусканіе?»..

Странно, что другой, тоже зоркій наблюдатель событій, Тургеневъ, какъ будто чуждъ этого предвидѣнія. Онъ смотритъ на разразившуюся въ 70-мъ г. войну, какъ моралистъ, съ точки зрѣнія того урока, который она должна дать человѣчеству. Франція пала изъ-за деморализаціи французской арміи, французскаго народа... Германія такъ легко побѣдила благодаря отличной военной организаціи и духу единенія, воодушевлявшаго ея народъ... Это соблазнительно стройная, но слишкомъ упрощенная схема, и нельзя не удивляться, что она принадлежитъ такому тонкому психологу, какъ Тургеневъ. Онъ восхищается удивительной подготовкой нѣмцевъ къ войнѣ и ихъ военнымъ мастерствомъ. Но вѣдь это мастерство расцвѣтало на счетъ другихъ силъ страны и не могло не сдѣлаться угрожающимъ для сосѣдей. Несомнѣнно, Тургеневъ раздѣлялъ настроеніе всего тогдашняго прогрессивнаго общества, о которомъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ К. К. Арсеневъ (В. Е. № 10). Источникъ этой непонятной симпатіи къ Германіи—въ ненависти къ наполеоновскому режиму. Однако, проявленные нѣмцами жестокости и вандализмъ способствовали быстрому охлажденію къ нимъ симпатій русскаго общества. Наиболѣе чуткіе и

искренние люди почувствовали неприемлемую сущность тогдашней «стройной» побѣдоносной Германии и рѣзко отъ нея отвернулись.

Многимъ современникамъ, въ томъ числѣ и Флоберу, была совершенно ясна будущая роль Пруссіи. Флоберъ утѣшаетъ себя мыслью, что черезъ нѣсколько лѣтъ Европа сама будетъ «умолять Францію о выступленіи въ союзъ съ нею противъ Пруссіи». Нѣмецкій вандализмъ приводитъ его въ отчаянье. «Какой провалъ! Какое глубокое паденіе! Какое оскудѣніе и какія гнусности! — восклицаетъ онъ. Каннибалы не навели бы на меня такого ужаса, какъ офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ, разбивающіе зеркала»... Это тогда, во время своихъ блестящихъ побѣдъ надъ ослабленной Франціей, получили нѣмцы позорное прозвище «варваровъ». Тогда сложился тотъ обликъ тевтонскаго воина, который теперь возмущаетъ весь міръ. Съ неподражаемо тонкимъ юморомъ рисуетъ его Мопасанъ въ разсказѣ: «Мадмуазель Фифи». Какъ типичны у него эти самодовольные побѣдители, кутящіе въ побѣжденной странѣ! Какъ характеренъ ничтожный поручикъ Отто, предлагающій, въ полупьяномъ видѣ, передъ французскими проститутками оскорбительные для національнаго достоинства тосты.

«—За наши побѣды надъ Франціей!

«Несмотря на свое опьяненіе, женщины стихли. Рашель вздрогнула и повернулась къ нему.

« — Послушай, я знаю французовъ, въ присутствіи которыхъ ты бы этого не сказалъ.

«Маленькій маркизъ, не выпуская ее изъ объятій, засмѣялся, охваченный пьяной веселостью.

«—Я никогда такихъ не видѣлъ. Какъ только мы появляемся, они удираютъ!

«Огорченная дѣвушка крикнула ему прямо въ лицо:

«—Ты лжешь, негодяй!

«Въ теченіе одной секунды онъ смотрѣлъ на нее своими свѣтлыми глазами точно такъ же, какъ смотрѣлъ на портреты, которымъ пробивалъ глаза револьвернымъ выстрѣломъ, потомъ размѣялся.

«—Такъ, такъ, моя красавица! Ну, развѣ мы были бы здѣсь, если бы они были храбры!—И онъ воодушевился.—Мы ихъ господа! Намъ принадлежитъ Франція!

«—Намъ принадлежитъ Франція, и французы, лѣса, поля и дома Франціи... Намъ принадлежатъ и всѣ женщины Франціи!»

Какъ извѣстно, эта сцена закончилась катастрофой: обезумѣвшая отъ гнѣва француженка зарѣзала хвастливаго нѣмца.

Тѣ же чувства возбуждаетъ и знаменитый романъ Эмиля Зола: «Разгромъ», весьма кстати теперь переизданный «Просвѣщеніемъ».

Романъ этотъ хотя и написанъ издадека, по «документамъ», а не по наблюдениямъ, однако провикнуть широтой взгляда и безпристрастїемъ настоящаго патріота. Авторъ не щадитъ красокъ, изображая французскую «деморализацію». Но не менѣ рельефно описываетъ онъ и «варварскій» разгромъ, впервые взволновавшій Европу. Разсказъ объ этомъ участника событій, пережившаго осаду Парижа, Ф. Сарсе, съ непосредственностью передаетъ тогдашнія впечатлѣнія. «Сколько опустошенія! сколько разоренія! Шату, Буживаль, Марли, всѣ эти прелестныя мѣста... что изъ нихъ сдѣлали пруссаки? Все, что можно было и что того стоило, они, какъ люди аккуратные, уложили и вывезли, а остальное, какъ пьяные дикари, разбили... Здѣсь погибли цѣлыя миллиарды! Но что значать миллиарды: печаль о потерѣ денегъ можетъ со временемъ утѣшиться... Но потеря столькихъ памятниковъ, уничтоженныхъ навсегда! О! лучше не говорить объ этомъ! Я чувствую, что готовъ умереть...».

По сравненію съ тѣмъ, что творится теперь, эти взволнованные разсказы современниковъ кажутся дѣтской сказкой: такъ разрослось и окрѣпло варварство. Послѣ сокрушительныхъ нѣмецкихъ подвиговъ въ Лувенѣ и Реймсѣ, можетъ ли волновать разсказъ объ одинокихъ бомбочкахъ, залетавшихъ въ національную бібліотеку и страсбургскій соборъ? Но тогдашнія пробныя нѣмецкія бомбы неуловимыми нитями связаны съ ихъ остервенѣлымъ натискомъ въ наши дни. Поэтому и старый романъ Зола читается съ такимъ захватывающимъ интересомъ.

Иной литературы, кромѣ этой — «военной», у насъ нѣтъ и не можетъ быть сейчасъ. Умъ невольно ищетъ въ прошломъ параллелей... Къ сожалѣнію, или къ счастью, всѣ эти параллели всегда относительны. Нѣтъ прецедентовъ для того, что мы теперь переживаемъ! Закипѣвшая міровая борьба — неприимѣрна, по силѣ напряженія и по возлагаемымъ на нее надеждамъ.

Е. Колтоновская.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Свѣтлыя ожиданія и тяжелое настоящее Польши.—Лояльность поляковъ.—Обывательскіе комитеты.—Общественная помощь изъ коренной Россіи.—Шпионство, возведенное на степень культа.—Шпионство и милитаризмъ.—Какъ бороться съ шпионажемъ?—Отклики нѣмецкой шпиономани.—Газетная «охота» на нѣмцевъ.

Съ войной занялась для Польши «заря новой жизни». Польшу ждетъ примиреніе съ Россіей и свобода «въ вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи». Конецъ войны будетъ знаменовать для польскаго народа возрожденіе того живого тѣла Польши, которое полтора вѣка тому назадъ «было растерзано на куски». «Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе креста,—символь страданія и воскресенія народовъ!». Такъ сказала полякамъ верховный главнокомандующій. И вѣщія слова нашли живой откликъ въ сознаніи и въ сердцахъ русскихъ поляковъ. Они полны надеждъ. Они вѣрятъ и бодро смотрятъ впередъ. Въ близкомъ уже будущемъ имъ видѣется свѣточъ воскресенія. Но въ настоящемъ несчастная Польша несетъ тяжелый, какъ никогда, крестъ страданія...

Бельгія на западномъ фронтѣ и русская Польша—на восточномъ третій мѣсяцъ служатъ ареной неистовствъ гунновъ XX-го вѣка. Въ Бельгіи разгромлены и погибли многовѣковые памятники искусства, міровыя книгохранилища, богатѣйшіе города. Въ русской Польшѣ нѣтъ такихъ памятниковъ искусства и культуры, которые могли бы поставить ее рядомъ съ Бельгіей и, кромѣ Варшавы и Лодзи, нѣтъ городовъ, равныхъ бельгійскимъ по промышленному значенію и по населенности. Къ тому же Варшаву русскія войска отстояли отъ нашествія, а въ Лодзи нѣмцы хозяйничали недолго и, видимо, уже утомленные своими неистовствами, или извѣрившіеся въ ихъ цѣлесообразности. Но пострадала русская Польша ничуть не меньше Бельгіи, а если учесть бѣдность главной массы населенія—населенія мѣстечекъ, деревень и городской бѣдности,—то, пожалуй, больше. Быть театромъ военныхъ дѣйствій—всегда одно изъ величайшихъ бѣдствій для страны. Въ условіяхъ, въ которыхъ ведутъ нынѣшнюю войну германцы и австрійцы, это бѣдствіе поддается сравненію развѣ что съ бѣдствіемъ космическихъ катастрофъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ собрало предварительныя свѣдѣнія о размѣрахъ убытковъ, причиненныхъ войной населенію

Люблинской и Холмской губернии. По этимъ даннымъ въ Люблинской губернии изъ 5.719 построекъ сгорѣло или уничтожено 3.105; стоимость сожженныхъ или разрушенныхъ домовъ составляетъ 917.330 руб., а стоимость всѣхъ построекъ—1.448.180 руб. Въ Холмской губернии изъ 1.851 построекъ пострадало 1.345; стоимость уничтоженныхъ домовъ составляетъ 232.000 руб., а другого недвижимого имущества—483.070 руб. Такимъ образомъ, въ двухъ губернияхъ осталось гораздо менѣе половины построекъ, какъ по числу ихъ, такъ и по стоимости.

Еще рельефнѣе рисуетъ картину другой оффиціальныи документъ—донесеніе холмскаго губернатора, освѣщающее ее не однѣми цифрами сожженныхъ и разрушенныхъ домовъ (см. «Биржевыя Вѣдомости», № 14436). «23-го сентября, — значитъ въ донесеніи, — мною законченъ объѣздъ пострадавшихъ отъ войны мѣстностей Томашовскаго уѣзда. Вездѣ пришлось наблюдать одну и ту же печальную картину: деревни, частью или цѣликомъ, сожжены, скотъ и лошади уведены, хлѣбъ погибъ въ огнѣ или захваченъ неприятелемъ. Не пощажены и сами жители—почти въ каждой деревнѣ нѣсколько человѣкъ разстрѣляны или уведены въ плѣнъ». Въ частности, въ Крыницкой гминѣ изъ 14 деревень пострадали 11; сожжено 65 усадебъ; въ деревнѣ Майданъ-Селець австріяцами сожжены заживо 12 человѣкъ, спрятавшіеся во время боя отъ выстрѣловъ въ особо вырытой для того ямѣ. Въ деревнѣ Верещицахъ изъ 76 усадебъ сгорѣли 54; австріяцы увели 34 человѣка и четверыхъ разстрѣляли. Въ деревнѣ Подгайцахъ Черкасской гмины сгорѣли 28 усадебъ изъ 32. Посадъ Лащовъ выгорѣлъ почти весь. Изъ села Рахани населеніе было выгнано въ Томашовъ; изъ пытавшихся остаться 12 человѣкъ были разстрѣляны, 40 погибли въ огнѣ. Въ деревнѣ Божучинѣ сгорѣли 73 двора изъ 110 и весь сборъ хлѣба; разстрѣляны 7 жителей деревни. Одинаково съ деревнями разрушенъ городъ Томашовъ.

Пока-что, словомъ, война принесла Польшѣ полное и почти сплошное разореніе. Уцѣлѣли лишь нѣкоторыя мѣстности къ востоку отъ Ивангорода и Варшавы и то, впрочемъ, за исключеніемъ Сувалкской губернии. Объѣхавшіе покинутыя нѣмцами поля сраженій передаютъ, что тамъ, гдѣ произошли бои, не только потоптанъ и уничтоженъ неснятый до конца іюля урожай нынѣшняго года, но вмѣстѣ съ нимъ приведены въ негодность самыя поля. На многіе десятки верстъ поля изрыты окопами, шрапнелями и воронками отъ артиллерійскихъ снарядовъ. Деревья частью срублены, частью срѣзаны выстрѣлами. На песчаной почвѣ отъ верхняго культурнаго слоя нѣтъ и слѣда. Населенію не только придется восста-

новлять жилища, амбары и сараи и хозяйственный инвентарь, но кромѣ того дѣлать другое дѣло, гораздо болѣе трудное и требующее долгаго времени и упорнаго труда: приводить въ порядокъ землю и возвращать ей способность давать урожай.

Но, какъ и новыя условія политической жизни, возрожденіе хозяйственнаго быта населенія Царства Польскаго—задача будущаго. И поскольку политическія условія стоятъ въ тѣсной связи съ экономическимъ прогрессомъ или застоємъ, постольку есть серьезное основаніе ожидать, что «свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи» Польша быстро залѣчитъ раны, причиненныя вражескимъ нашествіемъ и опустошеніемъ. Залогомъ тому служатъ два факта, ярко обнаружившіе въ польскомъ народѣ политическую зрѣлость, вѣрную оцѣнку своего прошлаго и настоящаго и подготовленность къ самой широкой самодѣятельности. Одинъ фактъ,—лояльность населенія въ отношеніи русской власти, русскаго войска и вообще интересовъ Россіи. Второй—дѣятельность польскихъ обывательскихъ комитетовъ и городскихъ милицій.

Нельзя не признать, что судьба послала лояльности Польши исключительно тягостное испытаніе. Въ первый же день войны нѣмцами были заняты Калишь и рядъ приграничныхъ пунктовъ, и на массу населенія это, конечно, не могло не произвести впечатлѣнія. Затѣмъ, вплоть до начала октября русскія войска отходили за Вислу, а нѣмецкія—наступали. Занимая городъ за городомъ и деревню за деревней, нѣмцы не скупились на распространеніе самыхъ нелѣпыхъ слуховъ и намѣренно лживыхъ обѣщаній. Изъ вагоновъ, изъ автомобилей, съ аэроплановъ въ милліонахъ экземпляровъ разбрасывались прокламаціи, которыя, въ противовѣсъ воззванію верховнаго главнокомандующаго, сулили неисчислимыя блага полякамъ подъ германской властью. При всѣхъ этихъ условіяхъ, вѣра въ конечный успѣхъ русскаго оружія въ сознаніи малограмотныхъ поляковъ-сельчанъ естественно могла поколебаться. А за сомнѣніемъ столь же естественно должны были возникнуть во всей ихъ житейской (трагичности роковыя вопросы: въ чьей власти, въ концѣ концовъ, окажется страна, какой цѣной придется расплачиваться за лояльность, если вдругъ послѣ войны «законная» власть въ краѣ будетъ принадлежать нѣмцамъ. Какіе ужасы мести злобнаго завоевателя падутъ на голову населенія? А какъ велика и систематична нѣмецкая злоба, населеніе видѣло и ощущало каждый день. Въ южной части Царства Польскаго искушеніе шло и съ другой стороны, — со стороны австрійскихъ сородичей-поляковъ, сокольскихъ дружинъ и обывателей западной Галиціи, которые вслѣдъ за австрійскими войсками переходили границу.

Русскіе поляки осилили всё искушенія. Мобилизація прошла въ Царствѣ Польскомъ такъ же блестяще, какъ и въ коренной Россіи. И съ этого перваго момента войны поляки оставались и остаются неизмѣнно лояльны. Населеніе городовъ съ восторгомъ встрѣчало и встрѣчаетъ русскіе полки. Въ Варшавѣ и въ Лодзи солдатъ засыпали цвѣтами. Населеніе разрушенныхъ деревень привѣтствуетъ русскіхъ солдатъ, какъ избавителей. Въ Лодзи германскія и австрійскія войска стояли почти двѣ недѣли. Здѣсь они, повидимому, стремились побудить населеніе къ измѣнѣ долгу подданства не терроромъ, а демонстрированіемъ австрійскихъ поляковъ, какъ національнаго «польскаго» войска. Сокольскія дружины непрерывно дефилировали по улицамъ. Въ результатъ же, въ городѣ съ полумилліоннымъ населеніемъ нашлось всего «около» трехсотъ поляковъ, которые вступили въ ряды соколовъ. Какъ корреспонденты газетъ всѣхъ направленій, такъ равно и официальныя сообщенія гражданскихъ и военныхъ властей, въ одинъ голосъ отмѣчаютъ лояльность всѣхъ слоевъ и классовъ населенія Царства Польскаго. Тотъ же характеръ имѣютъ проникавшія въ печать письма и рассказы офицеровъ и солдатъ. Даже г. Пуришкевичъ отозвался о полякахъ въ «Русскомъ Собраніи» съ рѣшительной похвалой.

Губернская и уѣздная администрація, судъ и полиція оставляли польскіе города вмѣстѣ съ войсками. Вся тяжесть какъ поддержанія внѣшняго порядка, такъ равно текущихъ задачъ управленія, падала на населеніе,—и въ дни, предшествовавшіе занятію городовъ нѣмцами, и въ дни ихъ занятія. Лишеннымъ какихъ бы то ни было органовъ самоуправленія полякамъ приходилось создавать обывательскіе комитеты безъ малѣйшихъ указаній опыта и при полномъ отсутствіи административныхъ навыковъ. О производствѣ выборовъ, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Сегодня уѣзжали губернаторъ, начальникъ уѣзда, полицеймейстеръ и съ ними вмѣстѣ—городовые. И сегодня же необходимо было кому-нибудь взять власть въ руки, сформировать милицію, озаботиться о тюрьмахъ и оградить отъ грабителей имущество жителей. А на завтра предстояло вступать отъ лица города въ тяжелыя сношенія съ непріателемъ, подъ угрозой уличной стрѣльбы и массовыхъ разстрѣловъ вносить контрибуцію, отводить квартиры, добывать предметы продовольствія и т. д. И опять общіе отзывы свидѣтельствуютъ, что обывательскіе комитеты работали съ возможнымъ въ невѣроятно трудномъ ихъ положеніи успѣхомъ. А насколько эта работа была всеобъемлюща, характерно иллюстрируетъ то, что комитеты и тяжбы разбирали, и даже выпускали въ обращеніе денежные знаки.

Явившіеся въ дни нѣмецкаго нашествія буквально изъ ничего,

обывательскіе комитеты польскихъ городовъ будутъ всегда живымъ воспоминаніемъ въ возвѣщенной воззваніемъ верховнаго главнокомандующаго «новой» Польшѣ. Дни страданій и горя намѣтили людей, способныхъ отдаваться общественному служенію, и раскрыли, насколько широки возможныя рамки общественной самодѣятельности, внутри которыхъ безбоязненно для государственныхъ интересовъ населенію можетъ быть отлана забота о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Можно надѣяться еще, что обывательскіе комитеты, гдѣ подъ свистъ вражескихъ шрапнелей и пуль вмѣстѣ работали и дѣлили горе родныхъ городовъ поляки и евреи, ксендзы и раввины, сослужать другую службу будущей «новой» Польшѣ,—создадутъ почву для разрѣшенія большого вопроса о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. «Одного ждетъ отъ васъ Россія,—сказалъ полякамъ верховный главнокомандующій,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія». Поляки, особенно въ послѣднее передъ войной время, трактовали связь съ еврейскимъ мѣстнымъ населеніемъ, какъ искусственно созданную и искусственно имъ навязанную. Общее горе и общія усилія его перенести должны измѣнить ихъ отношеніе къ евреямъ.

Въ Варшавѣ, кромѣ мѣстной, создалась центральная для всего Царства Польскаго обывательская организація. Во главѣ ея сталъ генералъ-губернаторъ. Ея задачи, конечно, не тѣ, какими были до освобожденія отъ нѣмцевъ задачи лодзинскаго, петроковскаго, радомскаго, кѣлецкаго и т. д. комитетовъ. Центральный варшавскій комитетъ взялъ на себя заботу о всевозможныхъ видахъ помощи разоренному населенію края. Но онъ тоже возникъ въ силу необходимости и какъ органъ, если не общественнаго самоуправленія, то общественной самодѣятельности. И, какъ таковой, онъ примкнулъ къ всероссійскому земскому союзу. Фактъ—для будущей «новой» Польши столь же знаменательный, какъ присоединеніе, въ дѣлѣ помощи раненымъ, городовъ Финляндіи къ всероссійскому союзу городовъ. Въ итогѣ войны начинаютъ обозначаться контуры новаго соотношенія между центромъ Россіи и окраинами, имѣвшими свое особое историческое прошлое и имѣющими особое бытовое настоящее...

Въ данный моментъ разоренная и разгромленная русская Польша требуетъ отъ коренной Россіи помощи,—помощи немедленной и непосредственной: деньгами, хлѣбомъ, одеждой. Голодаетъ бѣдность, оставшаяся на родныхъ пепелищахъ. Голодаютъ бѣженцы. И тѣмъ, и другимъ негдѣ укрыть отъ непогоды дѣтей. И тѣ, и другіе не имѣютъ одежды. Настала уже осень. Близится зима. Жертвовать населенію Польши безъ различія народности и религіи—свя-

той долгъ коренной Россіи. Польша—арена борьбы славянства съ германизмомъ и одна изъ двухъ аренъ борьбы за свободу Европы отъ давившаго ее сорокъ лѣтъ и стремящагося раздавить окончательно милитаризма. Польша—русская Бельгія. Помощь разоренной Бельгіи—долгъ Франціи и Англии. Помощь Польшѣ—нашъ долгъ. Въ польскихъ селахъ и деревняхъ нѣмцы уравнили зажиточныхъ и нищихъ. Отбирая отъ первыхъ хлѣбъ, скотъ, лошадей и кормъ, они выдавали квитанціи, не имѣющія никакой цѣны. «Цивилизованные дикари» въ текстѣ этихъ квитанцій находили умѣстнымъ издѣваться надъ тѣми, кого грабили, рекомендуя явиться за получениемъ денегъ въ Пруссію, или бахвалаясь произвести уплату изъ контрибуціи, которую они мечтають получить. Помощь необходима широкая, миллионамъ людей.

Въ Петроградѣ 11, 12 и 13 октября происходилъ трехдневный сборъ на помощь Польшѣ. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Кромѣ цѣлыхъ горъ бѣлыя и теплыхъ вещей, собрано деньгами, по подписнымъ листамъ и въ кружки, двѣсти шестьдесятъ тысячъ рублей. Въ организациі сбора участвовали отнюдь не одни поляки. Больше, чѣмъ поляковъ, было русскихъ. Широко участвовали также евреи. Собирали деньги и вещи общественные дѣятели, профессора, артисты и артистки, писатели, купцы и т. д., и т. д...

Взывая къ помощи населенію Царства Польскаго и отмѣчая, какой «братскій пріемъ» нашли въ Москвѣ несчастные польскіе бѣженцы, кн. Е. Трубецкой («Русскія Вѣдомости», № 231) писалъ: «Нужно ли говорить о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на поляковъ такое къ нимъ отношеніе русскаго народа и общества? Одинъ видный калишскій городской дѣятель со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ: «До сихъ поръ Польшу отдѣляла отъ Россіи оффціальная стѣна, выстроенная нѣмцами; теперь впервые эта стѣна рухнула; два народа увидали и *почувствовали* другъ-друга». Вотъ какое *огромное* дѣло сближенія двухъ народовъ начинается на нашихъ глазахъ!»... «Не объ обыкновенной благотворительной помощи идетъ рѣчь въ настоящую минуту. Нужна такая помощь, которая выражала бы собою начало цѣлаго историческаго *сдвига* въ жизни обоихъ народовъ. Нужно, чтобы оба народа нашли въ этой помощи не одно устраненіе матеріальной нужды, но и духовное утѣшеніе въ великомъ историческомъ испытаніи и источникъ нравственной бодрости...

Когда первые возвращавшиеся изъ германскаго «плѣна» русскіе больные и туристы рассказывали, какъ ихъ несчетное число разъ водили на допросы, при чемъ допрашивавшіе все старались выяснить, не причастны ли они къ шпіонажу, когда затѣмъ появилось извѣстіе, что М. М. Ковалевскій задержанъ въ Карлсбадѣ если не по обвиненію, то по подозрѣнію въ шпіонствѣ,—эти рассказы и это извѣстіе приводили въ самое искреннее недоумѣніе. Дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ членъ Думы или Государственнаго Совѣта, сенаторъ и извѣстный писатель, профессоръ, адвокатъ съ именемъ и фрейлина, крупный коммерсантъ и кринятыи при дворѣ аристократъ, словомъ, всѣ люди съ прочнымъ и опредѣленнымъ общественнымъ или служебнымъ положеніемъ должны считаться абсолютно свободными отъ малѣйшаго намека на подозрѣніе въ такомъ малопочетномъ занятіи, какъ шпіонство. И допросы въ подобномъ направленіи такихъ людей намъ естественно представлялись, по явной нецѣлости, простымъ предлогомъ для безцѣльнаго и никому не нужнаго издѣвательства.

Теперь оказывается, что намъ были просто неизвѣстны широкіе слои нѣмецкаго общества; мы не знали ихъ этики и тѣхъ приемовъ, при помощи которыхъ они такъ долго и съ такимъ упорствомъ готовились бросить міру военный вызовъ. Мы вкладывали въ ихъ головы свою психологію и не понимали, какой былъ смыслъ изучать причастность къ шпіонству застигнутыхъ войной на германскихъ курортахъ свѣтскихъ дамъ, почтеннаго возраста сенаторовъ, профессоровъ и т. д. А они, какъ стало ясно послѣ всего уже успѣвшаго вскрыться въ связи съ войной, только прилагали къ нашимъ туристамъ свои тщательно скрывавшіяся шпіоническія мѣрки.

Сообщенія русской, французской и особенно англійской прессы о томъ, какая сѣть шпіонства была раскинута изъ Берлина по всему земному шару, раскрыли нѣчто поистинѣ чудовищное. Въ окрестностяхъ Лондона и Единбурга, въ Бельгіи, во Франціи, у насъ на югѣ и на Уралѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разгуливалъ какой-то «жезлогадатель», — нѣмецъ, изобрѣвшій магическій жезлъ, при помощи котораго онъ, ему одному извѣстнымъ способомъ, открывалъ мѣсторожденія металловъ и нефтеносные участки. Изобрѣтеніе было самымъ широкимъ образомъ рекламировано. Нѣмецъ всюду являлся съ предложеніемъ услугъ и его охотно допускали къ работамъ. Нигдѣ онъ ничего не открылъ и какъ-то вдругъ исчезъ. Теперь его въ Англійи вспомнили: на мѣстахъ, гдѣ онъ «работалъ»,—а всѣ эти мѣста на возвышенностяхъ, чрезвычайно удобныхъ для обстрѣла городовъ,—оказались бетонныя основанія, весьма пригодныя для осадныхъ орудій. По тѣмъ же сообще-

ніямъ, ни что другое, какъ сложную шпионическую организацію представляла собой многочисленная армія нѣмецкихъ коммивояжеровъ, ловко завязывавшая торговыя сношенія и еще болѣе ловко вывѣдывавшая военныя тайны о расположеніи, передвиженіи и боевой готовности войскъ.

Въ телеграммѣ изъ Копенгагена было передано объ арестѣ въ Лондонѣ нѣкоего профессора Шустера. По поводу этого ареста, «Русскіи Инвалиды» привелъ слѣдующій рассказъ «виднаго представителя англійской колоніи въ Петроградѣ»: «Профессоръ, или, какъ его обыкновенно называютъ лондонцы, докторъ Шустеръ—родной братъ сэра Феликса Шустера, натурализованнаго нѣмца, который много лѣтъ живетъ уже въ Англии и постепенно дошелъ до высшихъ, общественныхъ и политическихъ, ступеней. За заслуги на пользу отечественной торговли сэръ Феликсъ Шустеръ получилъ въ свое время баронетство, его избрали председателемъ лондонской англо-германской торговой палаты, онъ состоитъ, наконецъ, членомъ совѣта по дѣламъ Индіи. У него огромныя помѣстья и весьма вліятельныя связи. И, вотъ, этотъ-то натурализованный германецъ, достигнувъ высшихъ ступеней, сталъ проводить «въ люди» своего родного брата, доктора Эрнста Шустера, при помощи всякихъ «рекомендацій», «поручительствъ» и т. д. А когда возникла война между Великобританіей и Германіей, братецъ оказался самымъ зауряднымъ германскимъ шпиономъ».

Въ Германіи существуетъ особая школа, гдѣ обучаютъ шпионству. Свѣдѣнія о ней раскрылъ въ недавно выпущенныхъ мемуарахъ докторъ медицины Карлъ Гравсъ. Когда этотъ достойный медикъ обратился въ Nachrichten-Bureau, ему предложили пройти шестимѣсячный курсъ. По окончаніи курса, Гравсъ жилъ на Ривьерѣ—въ качествѣ богатаго африканскаго шахтовладѣльца; въ константинопольскомъ госпиталѣ—какъ врачъ, заинтересованный въ «азиатскихъ болѣзняхъ»; на Цейлонѣ, гдѣ онъ изучалъ тропическую флору, главнымъ образомъ въ мѣстахъ, близкихъ къ стоянкамъ англійскаго флота; въ Портъ-Артурѣ, гдѣ онъ собиралъ гербарій. И повсюду онъ оставлялъ по себѣ наилучшія воспоминанія. «Какъ удивятся всѣ мои англійскіе друзья», цинически восклицаетъ авторъ мемуаровъ, «когда они узнаютъ, что милый, безобидный «докторъ» былъ на самомъ дѣлѣ членомъ «нѣмецкаго освѣдомительнаго бюро» (см. «Русское Слово», № 271).

Сравнительно съ такимъ широкимъ и «научно» поставленнымъ шпионажемъ, старые приемы выкрадыванія документовъ и подкупа штабныхъ писарей представляются дѣтскою забавой. И вотъ въ каждомъ нашемъ задержанномъ путешественникѣ мно-

гіе нѣмцы видѣли такихъ «жезлогадателей», какъ Шустеры и Гравсы.

Въ связи съ разоблаченіями, возникъ общій интересъ къ вопросу о шпионажѣ въ мирное время, какъ къ одному изъ яркихъ пороженій милитаризма—вѣчнаго ожиданія войны и принесенія въ жертву этому ожиданію рѣшительно всѣхъ моральныхъ, правовыхъ и экономическихъ запросовъ государственной жизни. Шпионажъ выросъ изъ военной развѣдки, шпионажъ въ мирное время—изъ шпионажа во время войны и на войнѣ. Военная развѣдка есть необходимое и въ современныхъ войнахъ одно изъ основныхъ средствъ веденія войны. Каждая изъ воюющихъ армии не можетъ не слѣдить за расположеніемъ и передвиженіемъ противника, ибо, во-первыхъ, по нимъ опредѣляются его намѣренія и силы, и во-вторыхъ, только зная, что и какими силами противникъ намѣренъ сдѣлать, можно приготовить ему отпоръ или съ своей стороны нанести вѣрный ударъ. Въ виду этого, военная развѣдка ведется на театрѣ военныхъ дѣйствій непрерывно и безконечно разнообразными способами. И ведется она, само собою разумѣется, съ соблюденіемъ наивозможно большей тайны. Но вездѣ, гдѣ тайна, чрезвычайно трудно провести грань между дозволеннымъ и запрещеннымъ, допустимымъ и недопустимымъ. Отсюда и проистекаетъ неуловимость перехода отъ развѣдки къ шпионству.

Международныя конвенціи, однако, твердо стоятъ на признаніи, что развѣдка есть легальный пріемъ на войнѣ, а шпионство—преступный. И, сообразно съ этимъ, всѣ военно-уголовные кодексы трактуютъ шпионство, какъ преступленіе. Попавшій въ руки противника солдатъ-развѣдчикъ подлежитъ захвату въ плѣнъ и пользуется охраной законовъ и обычаевъ войны. Задержанный шпионъ—подвергается суду задержавшей его арміи и приговаривается къ смертной казни. Отъ прошлаго учебники международного права унаслѣдовали классическій примѣръ отличія развѣдчика отъ шпиона: солдатъ въ формѣ, тайно проникшій въ расположеніе непріятеля, есть развѣдчикъ; проникшій въ непріятельское расположеніе переодѣтый солдатъ есть шпионъ. Такимъ образомъ, главное отличіе развѣдки отъ шпионства строится на внѣшнемъ показателѣ принадлежности лица къ воюющей арміи. Но насколько вообще современные войны стали безконечно сложнымъ и во многомъ совершенно новымъ явленіемъ, настолько малопримѣнимыми къ нимъ сдѣлались старыя уголовно-правовыя опредѣленія и, въ частности, опредѣленіе понятія шпионства. Проникновеніе въ непріятельское расположеніе солдата—въ настоящее время фактъ исключительный и, во всякомъ случаѣ, отнюдь не обычный способъ добыванія свѣ-

дѣннн. Свѣдѣннн, которнхъ нельзя получить развѣдкой кавалернн или съ аэронлановъ, добнваются нынѣ совершенно другими прнѣмами и, при проволочныхъ и безпроволочныхъ телеграфлахъ, могутъ быть доставляемы лнцами, находящнмнся за тысячн верстъ отъ театра войны.

Шпнонажъ, организованный во время войны изъ-за тысячъ верстъ отъ театра военныхъ дѣйствнй, составляетъ одно изъ новыхъ, сопутствующихъ нынѣшннн войны, явленнй. Шпнонажъ въ мирное время, въ предвндѣннн войны, составляетъ другое явленнѣ того же порядка, тѣсно связанное съ первымъ. Коммнвоажеры развѣзжають, Шустеры же и Гравсы остаются въ прнютнвшнхъ ихъ странахъ и отсюда сообщаютъ все, что интересуетъ непрнятельскнй генеральный штабъ. А вмѣстѣ съ ннми «работаютъ» за деннги и собственные подданные страны, задолго до войны нми опутанные. И печальный опытъ показаль, что существующнн мѣры уголовно-правовой охраны безсильны бороться съ шпнонствомъ.

Исходя отсюда, юрисконсультъ министерства юстнцнн и профессоръ военно-юрндческой академнн, С. Н. Трегубовъ, предложилъ на страницахъ «Русскаго Инвалида» создать особую «контръ-шпнонную» школу. По его мысли, если она вѣрно передана газетой, «военные должны играть въ контръ-шпнонствѣ роль только экспертовъ, ибо контръ-шпнонство по задачамъ своимъ и прнѣмамъ совершенно иное дѣло, чѣмъ шпнонство, требующее отъ агентовъ наличнн извѣстной военной подготовки. И если въ задачи академнн, готовящей генеральный штабъ, входитъ обученнѣ тайной развѣдкѣ, то въ курсъ военно-юрндческой академнн слѣдуетъ ввести контръ-развѣдку, какъ предметъ по теорнн и практикѣ».

Въ приведенныхъ словахъ замѣтно, прежде всего, полное смѣшеннѣ понятнй развѣдки и шпнонства. И что такое представнть собой «контръ-шпнонство», какъ наука и какъ предметъ преподаваннн, — уразумѣть рѣшнтельно невозможно. Г. Трегубовъ принадлежитъ къ тѣмъ крнмнналистамъ, которые вводятъ въ кругъ если не наукъ, то предметовъ научнаго изученнн и изслѣдованнн, прнѣмы совершеннн преступленнй. Но что, какъ средство борьбы, быть можетъ приложнмо къ нмущественнымъ посягательствамъ, то совершенно неприложнмо къ такому преступному дѣяннн, какъ шпнонство. Кража и мошенничество всегда остаются преступными дѣянннми, совершенно независимо отъ того, кто и на чье посягаетъ нмущество. Шпнонство же, совершаемое на территорнн даннаго государства въ интересахъ сосѣдняго, есть преступленнѣ, а совершаемое въ интересахъ того государства, которому принадлежитъ территорнн, преступленнѣ не составляетъ—и именно этого рода дѣйствнн г. Трегубовъ, надо пола-

гать, именуется контръ-шпіонствомъ или контръ-развѣдкой. А потому получается: вотъ что: агентъ розыска, изучившій приемы кражъ, во всѣ моменты своей дѣятельности остается только агентомъ розыска и борьбы съ преступленіями, ибо самъ онъ несоразмерныхъ кассъ не ломаетъ и вообще кражъ не совершаетъ; а контръ-шпіонъ заимствуетъ у шпіона его преступные приемы для того, чтобы самому совершать шпіоническія дѣйствія. Если же такъ, то само собою разумѣется, что вводитъ контръ-шпіонство въ практику офицеровъ, прошедшихъ курсъ военно-юридической академіи, едва-ли соответствуетъ и достоинству офицерскаго званія, и задачамъ академіи. Изученіе офицерами генеральнаго штаба приемовъ развѣдки на войнѣ—дѣло совсѣмъ другое, насколько развѣдка есть необходимое и легальное средство войны.

Шпіонство въ мирное время—отвратительное изъ отвратительныхъ преступныхъ дѣяній—порождено милитаризмомъ и составляетъ одинъ изъ крайнихъ эксцессовъ милитаризма. И единственно цѣлесообразная борьба съ нимъ возможна на почвѣ международного права, а не уголовныхъ предупредительно-карательныхъ воздѣйствій. Цѣль нынѣшней войны для насъ и нашихъ союзниковъ—разрушить «гнѣздо милитаризма». Въ эту цѣль входитъ если не полное уничтоженіе войнъ, то строгая регламентація приемовъ и способовъ ихъ веденія въ будущемъ. Прямая задача международныхъ конференцій при ликвидаціи войны, послѣ того какъ «гнѣздо милитаризма» получитъ роковой ударъ, будетъ состоять несомнѣнно въ томъ, чтобы на будущее время очистить войну и военное дѣло. Сюда войдетъ обезпеченіе отъ произвола воюющихъ нейтральныхъ территории, огражденіе отъ разрушенія памятниковъ художественнаго творчества, дѣйствительная, вмѣсто ставшей мнимой, охрана интересовъ чужеземнаго мирнаго населенія, дѣйствительное недопущеніе разрывныхъ пуль и т. д. Сюда же войдетъ опредѣленіе границъ допустимой и недопустимой развѣдки, какъ по мѣсту, такъ по времени и по условіямъ ея производства. Что касается до шпіонства въ мирное время, то должно надѣяться, будутъ найдены такія формы взаимоотношеній въ области военнаго дѣла, при которыхъ такое шпіонство станетъ ненужнымъ.

Германская шпіономанія откликнулась и у насъ. Двѣ суворинскія газеты, «Новое Время» и особенно «Вечернее Время», буквально каждый день печатаютъ извѣты то на одного, то на другого нѣмца. Извѣты печатаются и въ редакціонныхъ статьяхъ, и въ хроникерскихъ замѣткахъ, и въ письмахъ въ редакціи, присылаемыхъ

вѣдомыми и невѣдомыми добровольцами. Охота ведется на нѣмцевъ вообще: на банкировъ и представителей мелкихъ торговыхъ фирмъ; на германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, конечно, въ первую голову, но также и на нѣмцевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ: на остзейскихъ бароновъ, на учителей нѣмецкаго языка, на гувернантокъ и на боннъ. Одно время именно учителя-нѣмцы и бонны привлекали особенное вниманіе обѣихъ газетъ. Потомъ онѣ перенесли его на нѣмцевъ-землевладѣльцевъ, затѣмъ—на служащихъ въ банкахъ и конторахъ.

И нельзя не сказать, что извѣстное движеніе въ желательномъ имъ направленіи суворинскія газеты создали. 21 октября въ «Вечернемъ Времени» было, напримѣръ, напечатано свѣдующее письмо въ редакцію за подписью священника, дьякона, учительницы, фельдшера и нѣсколькихъ крестьянъ: «Сидя въ деревенской глуши и воочію вида всѣ тѣ жертвы, которыя приносятъ родинѣ деревня, отъ всей души возмущаемся неумѣстнымъ гуманнымъ отношеніемъ, проявляемымъ къ нашимъ врагамъ. Въ некультурной деревнѣ живы чувства любви къ родинѣ и справедливаго возмущенія наглымъ врагомъ. Долой нѣмцевъ!—это крикъ возмущенной русской души».

Другой, еще болѣе любопытный примѣръ—письмо за подписью «Петроградскія институтки», напечатанное въ «Вечернемъ Времени» 24 октября. «Институтки» заявляютъ, что, какъ и всѣ русскіе люди, онѣ полны чувствомъ любви къ родинѣ и чувствомъ ненависти къ Германіи. И онѣ до глубины души возмущены. «Намъ, истинно русскимъ дѣвушкамъ, дочерямъ и сестрамъ защитниковъ Россіи, приходится жить подъ надзоромъ вѣмокъ, которыя исполняютъ должности нашихъ классныхъ дамъ». Возраженіе, что вѣтки нѣмки состоятъ въ русскомъ подданствѣ, авторы письма парируютъ просто и съ институтской убѣдительностью: «Да, онѣ русскія подданныя, но не съ русской, а съ нѣмецкой душой».

Конечно, изъ письма институтокъ нельзя дѣлать умозаключеній обобщающаго характера. Нѣмки классныя дамы, требующія, чтобы въ дни ихъ дежурствъ воспитывающіяся въ институтахъ «истинно-русскія» дѣвушки говорили по-нѣмецки,—давніе враги институтокъ. Конечно, и изъ письма, написаннаго «въ деревенской глуши», тоже нельзя дѣлать такихъ умозаключеній. Сидя, по собственному ихъ признанію, въ «некультурной деревнѣ», малокультурные люди просто начитались призывовъ «Новаго Времени» и «Вечернаго Времени» и едва-ли ясно отдають себѣ отчетъ, почему ихъ возмущаетъ «неумѣстное» гуманное отношеніе къ «врагамъ». Но тѣ, кто напечатали эти письма и ежедневно печатають подобныя, тѣ, кто прилагають всѣ усилія, чтобы вызвать въ обществѣ злобное

отношеніе къ живущимъ среди насъ нѣмцамъ,— г.г. Суворины и ихъ сотрудники знаютъ, чего они хотятъ и почему они ведутъ систематическую травлю.

Въ основѣ ихъ возмущенія «неумѣстной гуманностью» лежитъ, прежде всего, именно шпиономанія. Въ каждомъ нѣмцѣ по крови, хотя бы онъ былъ русскимъ подданнымъ, они готовы видѣть шпиона. Разъ человѣкъ носитъ нѣмецкую фамилію и, живя въ Россіи, плохо говоритъ по-русски, или торгуетъ подъ вывѣской на нѣмецкомъ языкѣ, въ отношеніи его воспаленное воображеніе нашихъ монополистовъ патриотизма уже создаетъ презумпцію шпионства. А презумпція виновности, въ виду войны, по ихъ мнѣнію, должна влечь если не тѣ же карательныя послѣдствія, какъ виновность установленная и доказанная, то одинаково рѣшительныя мѣры предупредительнаго свойства, вплоть до отнятія имущества и ссылки за полярный кругъ. Противоположныя воззрѣнія, по словамъ г. Б. Суворина, составляютъ достояніе лишь «мармеладныхъ ученыхъ» и «отвлеченныхъ мыслителей, витающихъ въ облакахъ».

Къ шпиономаніи присоединяется и нѣчто другое, столь живо напоминающее излюбленную форму мести среди помѣщиковъ во время крѣпостного права. Если по приказанію помѣщика бывалъ высѣченъ крестьянинъ сосѣда-врага, то этотъ послѣдній считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, въ наказаніе того, кто причинилъ обиду его «крещеной собственности», схватить и высѣчь перваго попавшагося крестьянина изъ имѣнія обидчика. Нѣмецкія власти въ Германіи держали въ хлѣвахъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ, бросали и бросаютъ ихъ въ тюрьмы, лишаютъ имущества. По логикѣ г.г. Сувориныхъ, прямой выводъ отсюда тотъ, что всякое проявленіе гуманности въ отношеніи нѣмцевъ, находящихся въ Россіи,—въ положеніи ли военноплѣнныхъ, или оставленныхъ на свободѣ,—«неумѣстно».

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 235) С. Елпатьевскій совершенно справедливо отмѣтилъ, что охота на нѣмцевъ заимствована нашей націоналистической печатью по слѣпому подражанію Германіи и что въ ней поражаетъ «аналогія съ недавней государственной задачей націоналистическаго лагеря,—борьбой съ еврействомъ. Та же система облавы, тотъ же розыскъ, гдѣ, въ какихъ финансовыхъ предпріятіяхъ участвуютъ евреи, то же стремленіе лишить ихъ кредита, то же стремленіе устранить отъ всякой общественной дѣятельности, искоренить ихъ изъ Россіи, а если можно, то и изъ Европы».

Широкихъ погромныхъ послѣдствій охота на нѣмцевъ пока, по счастью, не имѣла. Въ Москвѣ, въ началѣ октября, былъ день—

вѣрнѣе, ночь,—когда, по выраженію объявленія главноначальствующаго, «нашлись люди, не находившіе болѣе благоразумнаго примѣненія своимъ силамъ, чѣмъ нападеніе—въ ночное время—на нѣкоторыя торговыя мѣста, владѣльцы которыхъ по своимъ не-русскимъ фамиліямъ возбуждали ненависть толпы».

Попытка погрома, въ формѣ патріотической манифестаціи, встрѣтила со стороны власти рѣшительное осужденіе и болѣе не повторялась. Главноначальствующій Москвы, генер. А. А. Адриановъ, предупреждая о суровой расправѣ съ погромщиками, объявилъ на другой день населенію: «Пусть же помнитъ всякій, что на-стражѣ интересовъ родины стоятъ законныя власти Его Императорскаго Величества, и не случайному, праздному человѣку подобаеъ рѣшать вопросъ о томъ, что полезно и что вредно для государства, а тѣмъ болѣе приводить свое рѣшеніе тутъ же въ исполненіе насильственными, противозаконными мѣрами. Въ особенности же возмутительно, когда толпа прикрываетъ свои преступныя дѣйствія патріотическимъ пѣснопѣніемъ. Народный гимнъ, это—молитва; а сопровождать молитву безобразіемъ, это—кошунство».

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Скончавшійся на-дняхъ Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ-Луговой сравнительно поздно выступилъ на литературное поприще, но скоро занялъ на немъ почетное мѣсто. Его небольшіе рассказы свидѣлствуютъ о наблюдательности и знаніи народнаго быта; его романы въ свое время интересовали широкую публику; рядъ картинъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ «*Pollice verso*», произвелъ глубокое впечатлѣніе. Много талантливыхъ страницъ въ широко задуманной трагедіи, сюжетомъ которой служитъ судьба императора мексиканскаго Максимилиана. Интересны, какъ матеріалъ для общественной психологіи 60-хъ и 70-хъ годовъ, воспоминанія А. А.: «Какъ росла моя вѣра». Оцѣнка сочиненій А. А. Лугового, вошедшихъ въ составъ перваго ихъ изданія, дана въ нашемъ журналѣ Влад. Серг. Соловьевымъ (Литер. обзоръ въ декабрьской книжкѣ за 1896 г., замѣтка, подписанная буквою W).

Въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены слѣдующія произведенія А. А. Лугового: 1) «Крымскіе пейзажи» (1885, май); 2) «Не судилъ Богъ» (1886, январь); 3) «Взятка» (1898, июль и авг.); 4) «Наши дни» (1907, ноябрь и дек.); 5) «Какъ росла моя вѣра» (1909, мартъ, апр., май, июнь; 1910, ноябрь и дек.); 6) «Вѣрю», стихотв. (1910, июль); 7) «Бывають минуты», стихотв. (1913, апрѣль); 8) «На новой дорогѣ» (1913, июнь и июль).